

Дмитрий Гавриленко

*ХОЛУЙ
И ИМПЕРАТОРЫ*

вне жанров и без героев

Дмитрий Сергеевич Гавриленко
Холуй и императоры.
Вне жанров и без героев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057797
ISBN 9785448588631

Аннотация

Книга «Холуй и императоры» написана Дмитрием Гавриленко в Москве за небольшой промежуток времени: 2009—2012 годы. Она снабжена подзаголовком «Вне жанров и без героев», который объединяет все произведения, составившие настоящее издание.

Содержание

Еда для мужчин	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Холуй и императоры Вне жанров и без героев

**Дмитрий Сергеевич
Гавриленко**

© Дмитрий Сергеевич Гавриленко, 2017

ISBN 978-5-4485-8863-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автопортрет среди летнего дня. Писатель Дмитрий Гавриленко среди природы, ярко отражённой в его художественных произведениях.

Еда для мужчин

Глава первая

– Что, в штаны наложил от страха?

– Что-о? – я выпучил на вопрошавшего глаза.

– Известно что.

Одет он был в темно-синий костюм, на лацкане которого переливался радужными цветами значок.

– Почему вы построили дачу в непосредственной близости от президентской трассы?

Он перешел на «вы», стремясь, видимо, подчеркнуть осуществление служебных полномочий.

Я ответил на вопрос вопросом:

– А почему вы спрашиваете?

Я надеялся: он улыбнется. Не тут-то было.

– В интересах безопасности президента.

Не верилось, что именно этот человек так непринужденно начал со мной разговор. Удастся ли направить его в житейское русло? Я не был уверен, однако решил попробовать.

– То, что школьный учитель выращивает для себя картошку и кабачки, не может представлять опасность для президента.

Даже тени сомнения не появилось у него на лице, и все-

таки крутой визитёр задумался. Я хотел добавить, что, может быть, и его ребяташки учатся у меня, но вовремя прикусил язык. Радужный значок будто подмигнул мне: держи, дескать, карман шире, они уже распределены по европам. Халявно воздвиг? Да! Но халявщиков тьма.

Задумчивость его как быстро появилась, так скоро и улетучилась.

– Разрешите посмотреть ваш паспорт.

Я стоял перед ним в футболке и с тяпкой в руке. Откуда у меня паспорт? В душе нарастала обида на репейник, ни с того ни с сего прицепившийся ко мне.

– А покажите сначала ваше удостоверение.

Вот чего мне не надо было говорить! Лучше б я поведал ему, что часть выращенной сельхозпродукции поступала в школьную столовую. Лучше, если б сказал: зарплаты у учителей не такие большие, чтоб можно было отказаться от огорода. Может, лучше было предложить ему отведать скромного блюда: картошки тушеной с кабачком, приготовленной на костре, пахнувшей дымом?

Слово не воробей. Лицо гостя стало не медным даже, а бронзовым. Рука полезла во внутренний карман, и глаза мои уперлись в его фотографию: в черном костюме и при галстукe, глаза те же, пристальные и вроде бы недовольные. Я почувствовал, что взбаламутил в его душе болото, причем болото глубокое, топкое. Он, не торопясь, спрятал удостоверение, из бокового кармана достал радиотелефон. Во мне

нарастали нехорошие предчувствия.

– Вышли ко мне дежурную машину.

И ни слова больше. Я мог бы сказанное истолковать по-разному. Мало ли для чего могла понадобиться ему дежурная машина? Вот только паспортом моим он перестал интересоваться...

Неопределенность была развеяна одним ударом:

– Собирайтесь, поедете в отделение.

Для меня это как гром среди ясного неба. Если б на нас упала высокая береза, находящаяся поблизости, я и то не удивился бы: в ней образовалось дупло. А тут с бухты ба-рахты... Бряк! Дела, намеченные на день, лешему под хвост? Я взглянул в не улыбочивые глаза и понял, что слова, с которыми он появился здесь, вовсе не шутка, а его привычка брать быка за рога. Пришлось подчиниться молодецкому напору. Что мне собираться? Штаны натянул, костюм напялил – и готов. Паспорт в одном кармане, мобильник – в другом. Прощай дача, до новых встреч!

Рядом с моим гостем стоял невысокий, смуглый лейтенант милиции. Гость повернулся и пошел своей дорогой, а я поплелся вслед за лейтенантом.

Летучка выглядела безукоризненно, но изнутри оказалась не первой свежести. Внешняя респектабельность сменялась бардаком, будто только что доставили в изолятор банду. Лейтенант взял мой портфель, покопался во всех отделениях. В одном он нашел пластиковую бутылочку с водой и склад-

ной стакан, сохранившийся у меня еще с прошлого века; в другом – зарядку для мобильного. Я заметил, что досмотр лейтенант осуществляет с некоторой брезгливостью. Бедность мою презирает или неприятно шмонать? Впрочем, голова по самую макушку забита иными заботами. Лейтенант оставил меня наедине с бардаком, сам сел за руль.

И надо было перечить тому, кто словно с облака свалился на мою голову. Показал бы сразу паспорт – может, отцепился бы. У соседей – чутье, те никогда на дачу носа не сунут, если президент собирается проезжать. И никто их не допекает, не изводит ни за что ни про что. Не лондонская же бабуся предупреждает? А я по простоте своей вляпался в говно, целый день пиши пропало. И число-то какое – 22 июня. Вспомнил, сидя в духоте, о прочитанном в календаре: оно – самое могущественное из чисел, способное осуществить любые надежды, хотя и здорово напрягает, заставляя человека отказаться от жизненного эго. Помню, я усомнился в его особости, ведь Гитлер попер на нас как раз в этот день ранним утром и сломал себе шею. Скорее всего, Гитлер не случайно выбрал число для нападения. Но я-то не выбирал и о том, кто выбрал, не имею ни малейшего представления. Чем обернется для меня 22 июня? Хрен его знает. Мне хочется, чтоб человек, остановивший на нем выбор, потерпел, подобно Гитлеру, полное поражение.

Одно дело – мечтать на огороде среди ботвы и кабачков, и совсем иное – отвлечься от жизни в железной ловушке.

Машина резко затормозила, и я едва не свалился на пол. Подняв глаза, я увидел сквозь лобовое стекло большой фургона на обочине и возле него загорелого шофера лет сорока. На нем была сетчатая тенниска, почти не скрывавшая мощную мускулатуру. Лейтенант поставил машину впереди впритирку к бордюру, выпрыгнул из кабины, хлопнув дверцей. К моему удивлению, шофер коршуном налетел на него.

– Не я оформлял накладную, мне плевать на нее с высокой колокольни.

– Разберемся. А я хочу от себя посоветовать: не плюй против ветра.

– Да пошел ты! Не с меня шкуру снимут за задержку.

Не веря своим ушам, я взялся за ручку – дверца оказалась не заперта. Выбравшись из летучки, увидел, что милиционер отступает, как будто кобура с пистолетом не у него, а у шофера. Мое появление ничуть не смутило водителя, он продолжал наступать. «Ну и шофер! – подумалось мне. – Наглость – второе счастье. Что-то с накладной не того, а какой напористый». Я не чувствовал себя виноватым ни в чем, однако мурыжили меня уже около часа. Сколько еще волынка продлится – неизвестно. И все-таки дальнобойщик придал мне бодрости. Я решил обратиться к лейтенанту при первой возможности. У него появились дела поважнее моей скромной личности.

– Не забывай, что я при исполнении, – сказал лейтенант. – Жди. Накладная на экспертизе. Пройдет экспертизу, тогда

поговорим.

Сел в кабину и захлопнул дверцу. Шофер повернулся, направляясь к машине. Пыл его явно поубавился. Я догадался: он сидел на крючке, который не выплюнуть просто так, поэтому и ерепенился. Мне не жалко его. Казалось, что крутой крепыш в конце концов разорвет путы на руках и на ногах. Придёт в себя, достанет сотовый, обматерит тех, кто оформлял накладную, припугнёт ментами, и ему дадут дельный совет и деньги для разрешения конфликта. А я? На кого мне надеяться в нелепой ситуации? Огородник мог помешать Верховному главнокомандующему проехать по едва заметной с грядок трассе. Что и кому я буду доказывать, если выдернут с огорода, как сорняк? Надо меньше возникать и рыпаться, убеждая на месте, что при всем желании не нанесёшь вреда ни трассе, ни президенту – не крот, не отбойный молоток и, в конце концов, не верблюд. Кто там мчится по дороге, мне дела нет. Вот лопата и тяпка, их достаточно для того, чтоб получить урожай, но недостаточно для причинения вреда кому бы то ни было.

Я забрался в летучку, и, пока двигатель молчал, обратился к лейтенанту:

– Может, вы меня отпустите? У меня куча своих забот, а у вас – своих.

– Свяжусь с начальством.

Вытащив из бардачка радиотелефон, лейтенант быстро наладил связь. Поговорили сначала о дальнобойщике, при-

чем мне стало ясно, что тому ещё придется понервничать. Спросил он и обо мне. Ответ прозвучал громко, хотя не очень разборчиво. Мне показалось, что лейтенанту разрешили меня отпустить, однако он решительно произнёс:

– Едем!

Машина легко завелась и выкатилась с обочины на трассу. Чему быть, того не миновать. Я вспомнил о могущественном числе кармического долга: 22. Кто его выбрал для начинающегося театрального представления? Не этот ли брюнет в милицейской форме с двумя звездочками на погонах? Не очень она ему к лицу. И все-таки ясно, что я попал в цепкие лапы – отдельно наточен каждый ноготок. Не рвись, птичка, так как он может вонзиться тебе в сердце! Число 22 по гороскопу символизирует построение Вселенной, а ты лишь пылинка мироздания и не символизируешь ничего. Не рыпайся. Нагрел задницей сиденье и жди, что будет. Оно известно лишь Богу, который долго терпит и крепко бьёт.

Глава вторая

Мне показалось, что в отделении обо мне на какое-то время забыли. Лейтенант уехал к своему дальнобойщику, я сидел в обезьяннике. Дверь приоткрыта: встань да и сгинь, затеряйся в толпе. Драпани, если тебе дорог светлый день, а не тёмная ночь. Ты не бездельник, а работяга, тебя зовут выращенные кусты. После дождя нужно прополоть и окучить картошку. Надо собрать клубнику, а то она начнет гнить. Пора проредить свеклу, пока земля от дождя мягкая. Даже если за дверью стоит автоматчик, он не станет стрелять в спину. Не успеет вскинуть оружие, которое смотрит в землю. Земля-матушка сковала его свинцовый взгляд. Убежать отсюда, скрыться с глаз долой, оградить миром зелени свободу. Я в своей стране, дома, мне здесь помогают даже стены. Я огородник, и для меня это слово значит немало. Живо ещё стремление накормить себя и семью, не быть птенцом, не ждать, пока кто-то положит тебе в рот пищу. Я тот, кто украшает землю цветами полезных растений и может дожидаться от них съедобных плодов. Выдернуть меня с корнем не удастся, потому что он у меня не мочковатый, а стержневой, и уходит на большую глубину. Но, с другой стороны, уйти втихаря из обезьянника означает для меня уподобиться обезьяне, показать, что ты не прав и предпочёл улизнуть. Не лучше ли в такой ситуации не ерепениться? Они имеют

право любого задержать на три часа, чтоб выяснять его личность. Я остался ждать у моря погоды.

Мимо время от времени проводили задержанных, они не бузили и шли с покорностью ягнят. Лишь один из них, сумрачного вида человек, бросил на меня взгляд, в глубине которого таилось торжество: и тебя замели? Может, он знал, что я огородник и видел меня с мотыгой в руках. А то еще бывает задержанный рад тому, что не его одного задержали, а всех стригут под одну гребенку: от суммы да от тюрьмы не открестишься. Я проводил глазами сутулую спину и вздохнул про себя: сколько еще сидеть бесхозным, транжиря время? Не думаю, что его много прошло. Пусть это были не часы, а минуты, но минуты нудные, утомившие меня неопределенностью. Самое главное – пустые, зряшные, пропавшие безвозвратно в плохо освещенном обезьяннике. Когда я стал склоняться к тому, что обо мне забыли, раздался голос дежурного. Его почти не было видно: он сидел за застекленным и зарешеченным окошком. Я догадался, что этот голос зовет меня, так как никого вокруг в тот момент не было. У дежурного на погонах – три звездочки, он требовал у меня паспорт. Это второй случай за день, когда мой паспорт понадобился кому-то. Прежде он находился в перманентном покое. Был нужен при трудоустройстве, но тогда с него только сняли копию и тут же возвратили мне. Так он лежал без дела во внутреннем кармане, застегнутый с помощью пуговицы на петельку. Не окажись его здесь

со мной, милицейские звездочки, я думаю, отпиарили бы меня по полной. Они не любят, когда человек говорит: я такой-то, и не подтверждает документом. Им нужен сперва документ, да чтоб с фотографией, а потом уже все остальное. Документ в ваших руках. Что еще надо? Отпустите. Не тут-то было. Дежурный начал оформлять протокол. Удивительные вещи эти бумажки, если их параллельные линии позволяют разводить канитель с огородником. Старший лейтенант самым строгим образом вписал в протокол мои паспортные данные и все, что счел необходимым по поводу моего задержания. Писал он неторопливо, не догадываясь, как дорого для меня время, или, вероятно, догадываясь, но не в силах изжить привычку тянуть резину. Вот уже и место работы записано.

– Телефон вашего начальника, – сказал дежурный и впервые поднял на меня глаза. Они были светлые, и, казалось, не таили в себе ничего плохого.

– Да что начальник-то? Зачем его замешивать в эту историю?

– Он должен подтвердить, что вы у него работаете.

«Вот сейчас дам ему телефон, а он еще что-нибудь отчучучит», – подумал я, засовывая руку в карман и вытаскивая свой выдавший виды мобильник. В нем были

телефоны моих родственников, и коллег, и директора школы. Я назвал ему директорский номер, но на этом мои мытарства не закончились, словно какая-то липучка держала

меня здесь. Дежурный протянул мне лист бумаги и чернильную подушечку, что едва не выбило меня из равновесия. Задержание – это одно дело, отпечатки пальцев, по моим представлениям, совсем другое, ни в какие ворота оно не лезет.

– А это ещё зачем? – спросил я.

Как ни старался, не смог скрыть своего недовольства. Не дал ли им тем самым повод канителиться бесконечно? Про себя я думал: чем невозмутимей здесь буду, тем быстрее выйду отсюда. Тут уже вспомнил и про адвоката, и про мускулистого дальнобойщика. Стал ли бы здесь дальнобойщик бузить? Скорее всего, стал бы; видать, характер у него такой стервозный. Вот освободился ли – неизвестно. В сетях лучше не рыпаться, потому что ещё сильнее запутываешься. Упустишь погожий денек – он улетит, а завтра не вернется.

Я просмотрел записи дежурного, расписался в протоколе, поставил с каждого пальца фиолетовый отпечаток. Получая назад бумаги, старший лейтенант ответил, наконец, на мой вопрос.

– Если вас убьют на огороде, то мы по отпечаткам идентифицируем вашу личность.

Он так легко сказал «идентифицируем», будто ему приходилось произносить это слово ежечасно. А мне стало малость не по себе. Моя милиция кого бережет? Президента или его высокого гостя? Но я тоже, если брать масштабы огорода, человек. Во всяком случае, меня побаиваются вороны и зайцы. Я могу уничтожить тлей на огурцах, гусениц

на капусте. Конечно, это мелко, незаметно, хотя я тоже своего рода Верховный главнокомандующий. И откуда же тогда равнодушие к моей судьбе? Плюнуть и растереть? Так назло всему буду держать порох сухим, почву влажной, несмотря на то, что светлые глаза напротив стали очень серьезными. Посмотрим, чье оружие сильнее, раз уж кому-то угодно выбрать число из двух двоек, неприятных мне как бывшему школьнику и как нынешнему учителю. Не такой я наивный, как думаешь ты, старлей! Он уже кивает мне головой, слово в знак солидарности с моими мыслями:

– Направо умывальник, помойте руки.

Я оставил портфель на скамье, на которой сидел, а сам отправился на поиски умывальника. Вот он, миленький: чист, словно только что из магазина, даже недостатка освещения не может скрыть его блеск. Осматриваюсь в поиске мыла – этой роскоши не оказалось. Нет – и не надо. На огороде сегодня покопаться не успел, чернила же с его помощью не отмыть. Ополоснул руки водой – клеймо все равно осталось. В древности рабов клеймили, нынче всех подряд. Но это субъективное ощущение, мне клеймом и слишком броская татуировка кажется. По большей части, клеймятся добровольно. Клеймо есть, рабовладельца ищем. Я искать рабовладельца не намерен.

Возле моего портфеля стоял человек. Невысокого роста, в штатском костюме. Что-то в нем было стальное: может быть, в покрое серого костюма, может быть, во взгляде. Он

напомнил мне визитера, посетившего мои грядки, по чьей милости вся эта канитель завязалась. Вот только значка на лацкане не было. Никаких опознавательных знаков, как у человека с улицы. По выражению лица дежурного я понял, что это не только не посторонний, но и изрядная ведомственная шишка. Все органы старлея словно бы превратились в слух. Я вспомнил чьи-то стихи: «Мои рыдающие уши, как весла, плещут по плечам». Только тут, конечно, не рыдающие были, а всеслышащие.

Дежурный улыбнулся. Мной овладело подозрение, не подложил ли штатский что-нибудь в мой портфель. Вот и оставляй после этого свои вещи без присмотра. Попробуй, докажи потом, что ты не верблюд. Заарканят так, что недохнешь.

Вновь пришедший поинтересовался негромко:

– У вас документы на дачный участок есть?

– Нет. И они мне не нужны. Я продавать ничего не собираюсь.

– Слишком близко президентская трасса.

– Но я никому не мешаю; как и мои соседи, копаюсь на огороде. Там, где огород, там чистота и порядок.

– Порядок-то порядок, а у нас указание. Мы дезинфицируем окрестности, чтоб не было неожиданностей. Вы где работаете?

Я назвал номер школы. Дежурный поспешил вставить:

– Телефон не отвечает.

– Запишите тогда мобильный директора, – предложил я,

надеясь ускорить свое освобождение.

– Нет, мобильный не надо, у нас тоже средства на связь лимитированы.

– Ладно, можно не звонить директору, – разрешил человек в штатском. – На дачу вы больше не ходите.

Как я мог не ходить, если мне есть хочется? О себе мне стыдно говорить, но я сказал, что часть выращенной продукции отдаю в школьную столовую. Бесхозная земля даст сорняки, а ухоженная родит фрукты и овощи. Человек в штатском не стал больше ничего говорить, лишь дал понять, что я могу идти, за что я был ему благодарен. Вышел на свежий воздух, как будто заново вылез из материнской утробы, не представляя себе, что мои мытарства еще отнюдь не закончены. Кто же тот Гитлер, в выходной день 22 июня неизвестно зачем оторвавший меня от мирных дел? Если бы не он, я копошился бы там потихоньку – глядишь, картошку бы уже окучил. Может, землю успел бы подрыхлить вокруг кустов крыжовника и смородины. Не зря китайцы говорят: человек трудится – земля не ленится, человек ленится – земля не трудится. Наверное, этот желтолицый народ потому стал жить лучше, что земля перестала лениться, а не оттого, что он освоил производство всякого рода электроники.

Денег у меня на автобус не было; я отправился пешком, радуясь солнцу и надеясь сегодня еще поработать, чтоб выходной не пропал зря.

Глава третья

О, дорога! Помню тебя тоненькой ниточкой, пробка за пробкой, водители свирепые, особенно в жару. А ничего, жили как-то. Бегали по нужде за обочину то один, то другой. Пробка рассасывалась, очередь понемногу продвигалась вперед. Фонари висели на невысоких столбах. Я спокойно работал на участке, мимо запросто мог пройти непуганый лисенок. Никто недокучал, не запугивал. Внизу тихо протекала речушка, похожая на ручеек. На дуплистую березу садилась сорока и стрекотала, хвост ее при этом нервно вздрагивал. Может быть, она хотела предупредить о грядущих переменах, потому что вокруг все было спокойно, и тревога могла притаиться неизвестно где впереди.

Так оно и получилось. Сначала появились землемеры, расставили вехи. Потом пришли люди в ветровках оранжевого цвета, за ними приехали экскаваторы и грузовики с песком и щебнем. Они не церемонились с тобой, хватали тебя и так и этак. Порой сдвигали не только твой асфальт, но и подушку, на которой ты спала. Взамен появлялась новая подушка, более широкая, утрамбованная, но, конечно же, не привычная для тебя. Представляю, как тебе спалось в новые времена. Неспokoйный это был сон, если тебе удавалось заснуть. Тяжелая техника оставалась на ночь и давила твое чрево. Ковши погрузчиков прижимали к земле мешки так,

чтоб никто не мог их вытащить. Днем укладчик стелил горячий асфальт, от тебя тогда шел дымок, похожий на терпкое дыхание. Ты становилась привлекательней продажной девки, чья искусственная красота видна за версту. Тебя уже освещали фонари на столбах, подобных страусам, прочно вделанным в твое естество.

Все было хорошо до поры и времени. Пошел дождь; дорожники надеялись, что он неожиданно начался, также и закончится. Однако дождь зарядил надолго. Кое-где размыл насыпь, которую не успели укрепить. На следующий день возобновился вновь. Нелегко тебе пришлось в ту пору. Я видел, как плакала ты безутешно холодными слезами. Твою плохую жизнь с ежечасными пробками нарушили, а хорошей жизни пока не получалось. Дождь намочил весь завезенный для насыпи песок, и он стал тяжелым, как мед, заготовленный роем пчел. Попробуй, утрамбуь такую подушку! Но рабочим пообещали неплохие деньги, и они не отступили. Я видел, как над тобой натянули тент и продолжали работать в любую погоду. В солнечный день дело кипело, твое лицо озарялось улыбкой. В непогоду шло вперед ни шатко ни валко, хотя простоев не было. Твое новое платье оказалось к лицу, на нем уже не появлялись следы слез. Домотканое полотно заменил современный материал, похожий на тот, из которого шьют джинсы.

А дожди всё напоминали о себе, копошась в траве и листьях; редкий день позволял отдохнуть. Ты страдала, мучи-

лась, видела, как мучаются люди, как нелегко им таскать резиновые сапоги с налипшей грязью. Я стал свидетелем беспокойных ночей, когда ты представляла собой в одном месте блестящую под луной реку, а в другом – большую расхлябанную колею. Мне приходилось почти каждый выходной полоть грядки, выдергивая озверевшие сорняки. Рабочие перетаскивали свой тент с одного места на другое. Там, откуда они уходили, ты выглядела только что умывшейся красавицей. Немногословный народ колдовал над тобой. Некоторые жили в вагончике недалеко от моего огорода. Он был утеплен и электрифицирован.

– Разогнали бы несусветную хмарь самолетами, – обратился я как-то к одному из них.

– Начальство знает, – сказал он, и больше ничего я не смог от него добиться.

Впрочем, ты становилась чище от дождей, а у меня подрастал урожай. Я неустанно рыхлил землю, и это предохраняло растения от болезней, связанных с высокой влажностью. Однажды я пошел в вагончик к тем, кто служил тебе верой и правдой.

– Нужны кабачки?

Честно говоря, я думал, что у них со жратвой нет проблем, но они не отказались. Я насобирал полный мешок молодых кабачков и отнес в вагончик. Хоть немного помог тебе.

Впереди наметился какой-то затор. Он довольно быстро рассосался, но две машины остались. Авария. Никто не за-

страхован от нее. Если ты ни на кого не наезжаешь, могут наехать на тебя. Впереди стояла машина коммунальщиков – я ее узнал бы за версту. Сбоку совершенно новая с виду иномарка и молодой ее хозяин. Уже успел вызвать по сотовому дорожную инспекцию и с нетерпением поджидал её. Заметно нервничал, стоя на одном месте. Что такое? Скоро мое любопытство было удовлетворено. Вблизи я рассмотрел, что коммунальная машина имела внизу выступ в виде трубы, находящийся сзади. На него-то и напоролся молодой водитель, потому что с сиденья легковушки этот выступ виден не был. Он пробил бензобак – возле иномарки расплылось бензиновое пятно. Больше ни малейшего повреждения. Бывает, после столкновения можно сесть в машину и поехать, хотя часть ее раздавлена всмятку. Здесь ничего не раздавлено, а не уедешь. Есть от чего переживать хозяину. Не у одного меня сегодня неприятности.

Я задумался о том, кто же прав в такой ситуации. Правила дорожного движения не нарушила ни одна, ни другая машина, тем не менее одна из них выведена из строя. Коммунальщик не виноват в том, что его автомобиль, мягко говоря, ублюдочный. Инспектор должен будет принять конкретное решение, и я не позавидовал ему. Иду по небольшому тротуару, радуюсь, что он находится за оградой. Стальные столбики прочные, поперечины тоже. Зрелищен поток разноцветных машин со стороны, ты безропотно направляешь его и в одну, и в другую сторону. Но в живописности и раз-

нообразии таится немало коварства, в чем я имел возможность только что убедиться.

Вот впереди вроде бы поворот. Извини, милая, я хорошо знаю, что это такое. Это ловушка для простаков, а для искусственных водителей – обыкновенный отстойник. Поворот заканчивается тупиком, причем довольно неожиданно. Вполне можно врезаться в ограждение. Бывалый шофер знает, что в случае мелкой неисправности сюда можно отогнать машину, чтоб не мешать другим, и самому покопаться в ней с ключами или плоскогубцами.

Ты довольна этим своим рукавом? Я – нет, потому что здесь чаще останавливаются не для ремонта, а для того, чтоб сбежать в кусты по нужде. По большой бежит – в руке клочок туалетной бумаги. Присмотрись, сколько таких клочков белеет между березами. Каково тебе это видеть с высоты своей насыпи? Сколько клочков белеет, столько и кучек говна разбросано здесь и там. Стыдно тебе смотреть; стыдно водителю, озираясь по сторонам, снимать свои штаны. Он ведь совсем не собирается тебя оскорблять. Ну, приперло человеку... Что делать? И он быстро находит единственный выход – сбежать в кусты. Можно притормозить, прижать колеса к бордюру в любом месте, но там еще надо спускаться с насыпи. А здесь поворот сам ведет к молодой лесополосе. Ты не знаешь, сколько денег вложено в то, чтоб расширить и облагородить тебя. Ты не ведаешь, что маленькой толики их хватило для постройки здесь приличного нужника. Пусть он

был бы платным. Водитель лучше заплатит, чем будет унижаться, поневоле показывая тебе свой половой орган. Ведь построили же возле тебя роскошный бизнес-парк. Не будь тебя, нынешней, кто стал бы строить здесь такую махину? Ну, ездят здесь президенты и их многочисленная охрана. Им лишь бы проскочить, они не смотрят по сторонам, им нет дела до окружающего их дерьма. А вот деловые люди, торопясь, вынуждены киснуть в пробках часами.

Помню, бизнес-парк первоначально напоминал гигантский скелет. Каркас его казался таким худосочным и вовсе не обещал нынешнего красавца. Присмотрись, милая, сколько на нем различных вывесок. И супермаркеты, и парикмахерские. Всю рекламу на твоих столбах собери – будет ли столько? Стоянка для автомобилей шикарная. Что значит по сравнению с подобным размахом строительство придорожного туалета? Раз плюнуть – и готово. Пользуйся, водитель, величайшим благом цивилизации, сри, как везде срут. Но мы в очередной раз полетели в космос и забыли о бабуле, которая не смогла раздобыть сенца для своей коровы. Человек – это звучит горько?

Кто только не топчет тебя, высокоскоростная магистраль! Вот лейтенант, что отвез меня в отделение, а потом вернулся к дальнобойщику, внешне добродушный парень, ни в какое сравнение не идет с первым моим визитером. А ведь не задумался о том, что отрывает меня от работы, от учеников и их тетрадей, зря жжёт бензин. Хорошо ему в летучке! При-

ехал – уехал... Конечно, мир кажется текущим из окна машины – далеко не таким, каков он на самом деле. А если этот же путь да пешком, дыша выхлопными газами, ощущая, как начинают болеть подошвы ног? Ну, съел я сухарь, случайно завалившийся в кармане. Достаточно ли это, чтоб пережить необычный день, озаглавленный двумя двойками? Надо еще и сполоть, и окучить, и проредить мной же посаженные овощи. У дальнбойщика заботы иные: накладная и груз. Взбудоражился он и стал возникать из-за них. Топчет тебя – будь здоров, не сравнить с какой-то ментовской летучкой. В общем, именно они покрыли тебя морщинами. Дальнбойщики возят тяжелые грузы, а летучки шныряют часто и быстро. В твои морщины попадает вода, она может замерзнуть, и тогда морщины углубляются. Для шофера из деревни в этом нет криминала, он привык к рытвинам и колдобинам. Скоростная магистраль для него – совершенство. Для тех, кто видел всё, есть криминал: твои морщины преждевременные. Хорошую дорогу можно проложить только в хорошую погоду, а сносную жизнь можно наладить лишь в сносных условиях. Выделенные средства, как пить дать, освоить можно и в плохую погоду, только потом приходится расплачиваться. Женщина покупает французскую косметичку, и вопрос решен. Она помогает скрыть и веснушки, и морщинки, и всё, что ей нужно скрыть. Кожа на лице становится гладкой, как у девочки. К тебе тоже применяют косметические средства. Заливают трещины смолой и делают вид, что вернули дев-

ственность, которая давно уже растоптана тяжёлыми колесами. Смоляные места более черные, и это та самая ложка дегтя в бочке меда, что твой облик чернит.

Но и бочка меда есть – вот она передо мной, да и позади меня. Видел бы кто тебя поздней ночью после того, как уменьшается поток машин и шум шин вязнет в тумане! Высокий свет сохраняет видимость, а недостатки твои скрыты. Ты выглядишь волшебной рекой, у которой два параллельных течения. А то, что по берегам твоим не репейники, а возделанные огороды, разве не украшает тебя? Темнокожая леди в далекой стране своими руками сделала вместо цветника возле Белого дома огород. У неё, правда, были помощники. А моя соседка без помощников ухаживает за землей так, что у нее ни одной лишней травинки или соринки. Разве это соседство неприятно тебе, высокоскоростная магистраль?

ДВУСТВОРЧАТАЯ КАЛИТКА

Я дошел до соседского огорода, и мне показалось, что не способен больше ни на что. Костюм-то свой снял – все равно спина была мокрой от пота. Трикотажная сорочка давала возможность телу дышать, но вместе с воздухом легко пропускала и солнечное тепло. Часы показывали половину двенадцатого. Я решил передохнуть и сел на насыпь напротив калитки. Бывая тут по многу раз, я как-то не обратил внимания на то, что калитка у соседки двустворчатая. Обыч-

но стараются проще сделать, лишь бы надёжно. Только б ворюжки не лазили в огород, зверьки прожорливые не шныряли. В деревне, если девушку распочнут, калитку снимали с петель, и как бы тяжела она ни была, относили куда подальше. Ищи потом до самого вечера. Все видят: сосуд с вином вскрыт. А если бы все делали двустворчатые калитки? Сосуды с вином вскрывались бы, никто об этом не знал. Двустворчатую калитку не так-то просто снять, тем более куда-нибудь отволочь.

Соседка имела огород, в десятки раз превышающий мой. Я слыл бедняком – она вела кулацкое хозяйство. Помимо картошки, у нее росли помидоры, огурцы, патиссоны, капуста и перец. Из ягодных кустарников почти ежегодно плодоносили черная и красная смородина, не менее трех сортов крыжовника. Я ни разу не видел, как она сажает картошку. Старался посадить пораньше в надежде, что всходы не угодят под заморозок и у меня будут ранние клубни. Ее поздняя ботва обычно развивалась хорошо, догоняя мою, а в междурядьях, как всегда, ни травинки. В общем, это огородная хлопотунья. Не зря она была награждена в совхозе орденом. Гляжу на калитку и вижу её загорелые руки, одинаково сноровистые, – что правая, то и левая.

И как это я раньше не обратил внимания на то, что калитка у нее двустворчатая. Один раз суматоха случилась, никто ничего не понимал. Кто-то поджёг среди бела дня ее сарайчик. Поджёг умело, распылив сначала в нем какое-то хими-

ческое вещество. Пламя взметнулось до неба, объяло сразу всё ближайшее деревце и так же быстро уснуло. Я успел сходить за водой, но от сарайчика уже остались листы железа да гвозди. Деревце с тех пор торчит безлиственным стволом. Если раньше здесь глаза радовались, то теперь мрачный остов чернит душу. Кто-то как будто почувствовал избыток кислорода и обуглил зеленый шатер. Женщину обидел, хотя она внешне осталась равнодушной. Я в тот день через калитку к ней прошел так, словно и вообще не было калитки. Всё взбаламучено пожаром. Мелочи жизни жадно пожирались им.

Во второй раз день стоял вовсе не суматошный. Я пообещал ей поставить новый сарайчик и пришел посмотреть, какой материал для этого имеется. К моему удивлению, у нее в запасе оказались неплохо сохранившиеся брусья и доски, вполне пригодные для каркаса. Нашлись шалевки для боковин и кровли, а в ржавой баночке гвозди. Я принес недостающие инструменты, тотчас принявшись за работу. Возле места, отведенного под застройку, наливались кочаны ранней капусты и метелились кустики щавеля. Ограда участка плотная – зайчонку не проскочить.

Времени лишнего ни минуты, но хотелось не уступить той добротности, что уже прижилась здесь. Хозяйка допалывала грядку, выставив загорелые икры на солнце. Я копал её лопатой ямы для брусьев, которые можно было использовать вместо столбиков. Они из осины, называемой в научных кни-

гах дрожащим тополем. Листва, круглая, как монета, дрожит даже без ветра, пугая мелких птах. Древесина прочная и не боится влаги. Осина – мать подосиновиков и лисичек – любит влажные места, и это пристрастие закалило дерево. Я вкапываю столбики и думаю о том, что они способны пережить хозяйку. Кровлю сделал с необходимым для стока воды наклоном. Шалевок хватило и для обшивки боковин. Когда я накрыл сарайчик, оказалось, что осталась еще уйма материала, мне пришлось помочь его складировать. Но, проходя в тот день много раз через калитку, я опять-таки не обратил на нее никакого внимания. Мысли были заняты сарайчиком да время от времени я поглядывал в сторону хозяйки. Порой хотелось спросить о постройке её мнение, чтоб она не пеняла потом на качество. Она увлечённо воевала с сорняками и, казалось, ничего окрест не видела. А потом похвалила меня и сказала спасибо. Я опять прошёл через калитку, и кажется, распахнулась лишь одна створка. Подумал тогда: широки врата, ведущие в погибель. Ныне вижу, что калитка скорее напоминает ворота. Тройка, конечно, в них не пройдёт – на одной лошади можно проехать, если распахнуть обе створки.

Земля, на которой я сидел, каким-то чудом сохраняла среди жары прохладу, и мне захотелось прилечь. Сказалась физическая усталость и предшествующая ей нервозность. Я прилег на бок и тотчас забылся чистым, хотя и беспокойным сном. Снилось мне магистраль, такой, какой я её только что

видел. Но странное дело: кто-то словно сгруппировал потоки машин. В одну сторону шли BMW разных моделей, включая легендарный автомобиль 6-й серии с четырехдверным купе. Следом – Volkswagen Jetta бежевого цвета, знаменитый четырехдверный Mercedes-Benz. Им наступал на пятки, сигнала, джип Toyota. Уверенно мчались Mitsubishi с причудливым трехугольником, в который ухитрились вместить три красных ромба, приземистый Ford Mondeo, Audi с четырьмя дружески обнявшимися кольцами и неизвестно откуда взявшийся пикап-афроамериканец Hummer. В другую сторону, рядом со мной, нескончаемо перли Волги, Газели, Нивы, Автолайны, Валдаи, Баргузины, Жигули, Москвичи, УАЗы – работяги с двумя ведущими мостами и даже задрипанные Запорожцы, словно очнувшиеся от многовековой спячки динозаврики. Вдруг остановились возле меня не первой свежести Жигули. Я заметил: машина попадала в аварии, ее чинили, и снова она с прежней настырностью колесила по просёлкам и магистралям. Дверца распахнулась – с водительского сиденья передо мной предстала женщина, которую я когда-то безответно любил.

– Привет, – сказала она. – Как твоё ничего?

– Привет. А твоё как?

– Кручусь-верчусь белкой в колесе.

– Почему не муж за рулём?

– Приказал долго жить. Пьянка доконала. А твоя половина?

– Вкалывает, как и ты. Про любовницу не будешь спрашивать?

Тут стали бешено сигналить водители. И она торопливо бросила:

– Ведьму успокоит лишь осиновый кол. Прощай!

Села в машину, поток понес ее дальше. «Спасибо, что разбудила», – успел сказать я во сне и проснулся. Перед глазами та же двустворчатая калитка, а с трассы донесся непрерывный сигнал. Так сигналил, тормозя, шофер, если дорогу перебегают симпатичный пес, которого жалко сбивать.

Глава четвёртая

Полвторого пополудни. Проспал я не так много, и все-таки отдых взбодрил меня. Сон я постарался забыть, так как в нем была какая-то заноза, которую – я чувствовал это – сегодня мне не удастся вынуть. Сухарь, съеденный в пути, лишь усмирил на время голод. Подойдя к огороду, я выбрал подходящий кабачок, потом принес из домика лопату, кастрюлю и нож. Выкопал два куста ранней картошки. Оказалось семь небольших клубней. С меня достаточно. Кожура молодая, соскабливается легко. С кабачком сложнее, он уже успел заматереть. Мой перочинный ножик – единственный помощник на даче. Я не забываю натачивать его. Лезвие три сантиметра длиной. По этой причине затвердевший кабачок им почти невозможно очистить, но я уже привык. Хочешь жить – умей вертеться, хочешь есть – учись стряпать. Да не только стряпать. Здесь вообще лучше держать ухо востро. Мне однажды попало ведро, в котором гулял ветер: оно вдоль и поперёк изрешечено пулями. Машины по вечерам приезжают не всегда для отдыха.

Я удалил из кабачка семена, разложил их на газете сушиться – для нового урожая. Кабачок нарезал в кастрюлю мелкими дольками. Так лучше, они быстрее пустят сок. Помыл еще раз клубни, разрезал на несколько частей. Нашелся у меня кусочек солёной свинины. С ним блюдо по-

лучается вкуснее, наваристее, а главное, еду не приходится солить. Осталось водрузить кастрюлю на два кирпича, вросших в землю параллельно друг другу. Когда-то они были красные, теперь прокоптились до черноты. Им предстояло пройти новый обжиг, для чего я пошел собирать дрова. За ближайшим леском никто не смотрит, деревья в нем рождаются и умирают сами собой. Если бы я не сжигал сушняк, от него здесь уже не было бы проходу. Меня он как топливо очень даже устраивал. Прimitивная печка принимала такие дровишки доброжелательно. Еда готовилась быстро. Кирпичи возле углей долго сохраняли тепло, что важно для меня по вечерам.

Смысл моей стряпни был не в варке, а в тушении. Сначала я разжѐг между кирпичами огонь, усилил его толстыми сухими ветками и, чтоб не транжирить время, стал окучивать ботву. Тяпка у меня давнишняя, режущее лезвие источено так, будто обгрызли крысы. Я приспособился взрывать землю её боком – получалось недурно. Острый край легко входил в почву – влажную, прибитую недавно дождѐм. Окучишь – чуткий стебель выпустит новые корни, усилит питание, растолстеет. Клубни тоже будут пузатые: яблоко от яблони далеко не упадѐт. Немного поработал, вижу: огонь ослабевает. Я подбросил дровишек, и опять продолжаю окучивать. Смотрю, а между кирпичами образовалась горка красных углей, вздрагивающих от ветра. Это то, что мне нужно. Ставлю кастрюлю на огонь. Теперь от нее нель-

зя отходить ни на минуту. Воды я не добавлял. Кабачок пускает сок постепенно. Помешиваю ложкой, чтоб не подгорел. Наконец, кабачковый сок составляет треть варева – это тот момент, когда надо поменять местами компоненты. Картошка должна быть внизу, в кипящем соке, а кабачки – сверху. Почему это важный момент? Дело ясное: время готовности блюда должно быть одинаково, кабачки не должны полностью развариться и превратиться в кашу. Добавляю три зубчика мелко нарезанного чеснока, перемешиваю последний раз – блюдо готово. Первая удача нынешнего дня.

Поднимаю глаза – и что же? Неподалёку от меня стоит невысокого роста человек, как две капли воды похожий на того, которого каждый день упоминают в интернете и показывают по телевизору. Вот это да! Я-то надеялся, что тут колдую над жратвой в одиночестве, даже про себя что-то бормотал. А он стоял и смотрел, ну и слушал, конечно. Не будет же он уши затыкать из-за такого лопуха, как я.

– Вы президент? – спросил я, готовый поверить, что мой недавний сон продолжается.

– Двойник, – ответил он и рассмеялся. – Одному президенту везде не поспеть.

Двойник – это другая опера, только станет ли двойник сам разоблачать себя? Он почувствовал, что надо как-то объяснить свое появление здесь.

– Секьюрити доложил, что вдоль шоссе копошатся огородники. Я пошел проверить.

– Ну, так гостем будьте, господин исполняющий обязанности президента.

Я показал рукой на место возле костра. И тут пришлось удивиться во второй раз: двойник президента согласился. У меня-то и посуды никакой. Я ел обычно прямо из кастрюли. Одна столовая ложка и одна чайная. Теперь малышка выручила меня. Столовую я предложил двойнику, а чайную оставил себе. Мы сели подальше от костра, так как возле углей и дымно, и жарко.

– Выпить не желаете? – спросил я исполняющего обязанности.

Он в ответ промолчал, я расценил это как согласие. Скорее всего, двойник дал понять мне, что выпить не прочь: смотря что пить. Разве может у огородника быть приемлемый для него напиток? Мне пришлось опять побывать в домике – я вынес оттуда бутылку домашней настойки.

– Бормотуха, – сказал он разочарованно.

– Не совсем, – уверил я.

У меня лишь один складной стаканчик из пластмассы, долгожитель среди вещей. Я налил в него до краев сто пятьдесят граммов. Пусть не думает, что мне жалко напитка. Поколебавшись с полминуты, исполняющий обязанности президента выпил. Не поморщившись, словно пил обыкновенный яблочный сок, хотя первое впечатление в сем случае обманчиво.

– Закусывайте.

Протянул двойнику ложку. Внешне это вылитый президент. Точь-в-точь, как у него, сидел в обтяжку на плечах костюм. Улыбка стопроцентно такая, какую я видел в телевизоре и на мониторе. Но одно смутило меня, пока он ел. У него нет переднего зуба: для двойника облом. Если человека специально готовили на главную роль, то стоматологический лоск – в авангарде забот. Многие, не обращая внимания на то, как одет президент, пялят глаза на его лицо, а когда улыбается, – на зубы, и знают передние наперечёт до мелких подробностей. Может, двойник лютовал в драке и ему не повезло: наткнулся на чей-то кулак, хотя подобный цирк маловероятен. Человека номер один берегут, похожих на него людей – тоже. Впрочем, есть ли мне дело до зубов какого-то там двойника?

Я видел, как настойка начала действовать. Лицо исполняющего обязанности покраснело от волос на лбу до шеи.

– Ну и напитокок! Как ты сварганил?

Он перешел на своё «ты», я не обиделся: у него статус все-таки повыше моего.

– Ничего особенного. Сок плодов яблони-дички. Чтобы снизить кислотность, его разбавляют водой. На литр сока пол-литра воды. А я вместо воды вбухал березового сока. Исходная крепость после брожения удвоилась.

– Во как! Великое – просто, – рассмеялся он. – Наливай еще по стопарю.

Опять выпил полный, себе я налил в общий стакан пять-

десять граммов.

– Что так мало?

– Уйма забот, и завтра – на работу.

Я выпил, подумав о том, что сегодня буду корячиться на огороде до ночи.

Прошла на свой участок соседка, как будто и не посмотрев в нашу сторону.

– Здравствуйте! – крикнул я ей, но она не обернулась: на-верное, не расслышала.

– Трахнуть бы, – сказал двойник.

Я не стал уверять: старовата для утех, а просто пожал плечами, что можно было расценить так: трахни – исполняюще-му обязанности президента многое позволено.

– Налей-ка мне еще стаканчик.

Я налил до краев: посуда (моя стеклянная бутылка, в част-ности) любит пустоту.

Двойник выпил, крякнув на сей раз от удовольствия. От-резал ему половинку сваренного куска свинины.

– А почему вы тут не пользуетесь дачной амнистией?

Спрашивал, уплетая сало с картошкой. Я думал: лыка не вяжет, а настроился на деловую волну.

– Шут его знает. Это лебедь, рак и щука. У кого-то день-жат нет. Кому-то волокита поперёк горла. Межевание и бу-маги – та же телега. Не смажешь оси солидолом – не поедешь. Времени лишнего нет. За бумажками надо походить по кон-трам, сами не прилетят. Напряг на шею. И еще: если чело-

век не собирается продавать свой участок – на хрена ему бумаги?

Он помолчал некоторое время, пока я уплетал кабачок с картошкой, а потом заметил:

– Если оформить, то дети и внуки будут как у Христа за пазухой. Сейчас земля дорогая – еще дороже станет.

Я не собирался с ним спорить: ему при власти видней, хотя мне казалось, что земля приносит лишь тому радость, кто вкалывает на ней.

– Никогда не думал, что из кабачков да картошки можно вкуснятину состряпать.

– Это потому, что на свежем воздухе всё вкуснее, чем дома, – пояснил я. – Да и в собственном соку тушение всегда предпочтительней. У нас ведь как обычно? Жена спешит на работу, воды нальет в кастрюлю, чтоб не пригорало. Получается пшик.

Он согласился кивком головы и показал на стакан. В бутылке еще оставалось, я плеснул ему граммов сто. Прежде чем выпить, он спросил:

– А почему у тебя домик такой невзрачный? Глянь – коттеджи стоят!

Двойник не спеша опорожнил стакан, на этот раз закусывать не стал. Я налил в стакан оставшуюся, как двойник сказал, бормотуху и залпом выпил.

– Коттедж миллионы жрет, откуда они у меня? Его наёмники строят, неизвестно, сколько простоит. А я своими ру-

ками сложил, домик меня устраивает.

Ничего не ответил, обратившись с ложкой к кастрюле и доедая кабачки. Между тем, я посмотрел его глазами на свою дачу и увидел всё убожество по сравнению с роскошными особняками. В нем не было даже света, не говоря уже о газе и канализации. Не зависть, а обида заговорила во мне. Исполняющий обязанности сравнил меня с толстосумами, которые и гвоздя-то забить не умеют. И тогда я рассказал ему все.

КРЫША

Все началось с того, что кто-то выбросил в лесок кровельное железо. Перекрыл, видать, крышу новым, а старое выбросил за ненадобностью. Это случилось невдалеке от моего участка, и я решил: кровельное железо, даже покорёженное и перекрученное, мне пригодится. Летним днём, в жару, я перетащил его к себе, избавив тем самым лесок от хлама. С меня сошло сто потов, но я убежден, что именно тогда появилась основа для домика. Надо было куда-то прятать сельхозинвентарь. Надо где-то и самому прятаться от зноя и дождя. Кое-что я припас раньше. А тут началась реконструкция дороги. Первым делом стали разрушать все старое. Повергли столбы с рекламными щитами, свезли в кучу и приготовили к уничтожению. Несколько мне удалось спасти. Помощников не было. Я до самого вечера таскал длинные, тя-

желые щиты к своему участку. Они, в основном, квадратные. Приспособился кантовать их на наиболее сложных отрезках пути, перекатывая с одного ребра на другое. Основные препятствия представляла трасса. Вдоль нее я катил толстые фанерные листы. Затем по траве тащил щит, схватив его за острый угол. Изредка устраивал передышки. Поздним вечером материал, оставшийся при дороге, люди в оранжевых куртках сжигали, наполняя окрестные ложбины едким дымом, а меня – сожалением о гибели строительной древесины.

Спилили телеграфные столбы, сняли с них изоляторы. Просмоленное дерево пахло трудом и потом. Пришлось попотеть и мне. Несколько черных, будто жители экваториальной Африки, столбов оказались на моем участке, но чего мне это стоило! Солнце весь долгий день жгло землю. Столбы валялись, где попало, порой на человеческих испражнениях. Надо было преодолеть себя, стать выше своего унижения и работать, засучив рукава, зная, что какому-то бездельнику недалеко от тебя строят хоромы за неизвестно откуда взявшиеся у него деньги. Я кантовал столбы с помощью березового кола. Просуну его под столб и поднимаю. При удаче продвинусь вперед на метр-полтора. И начинаю снова. Где попадался бугорок, там удавалось скатить с него столб метра на два. Остальные черныши были сожжены, как какой-нибудь хворост. Возле обновляемой трассы не стало старья. Деревянные столбы тут же заменили высокими железобетонными.

От проволоки валялись большие катушки. Чтоб их легче сжигать, дорожники разобрали каждую на три части. Две части – массивные деревянные катки. Они-то мне и нужны больше всего. Но катки – это не столбы: не подsunешь кол, не станешь кантовать. Пришлось поднимать в одиночку и катить медленно, осторожно, опасаясь каждую минуту, что он может упасть на тебя. Несколько катков мне удалось присоединить к заготовкам. Все это приходилось делать урывками, в редкое свободное время. Бывало, приду на участок, а возле него груды древесной золы: рабочие жгли катки и еще Бог знает что. Я выбирал из этих кострищ гвозди, выпрямлял их и складывал в банки из-под краски. Знал, что понадобится много гвоздей.

В лесу, откуда притащил кровельное железо, мне попала решётка от радиатора. Редкая по прочности жёсть. Я принес её к своему участку, чему впоследствии был рад.

Кто-то выбросил за обочину покореженный трехметровый лист нержавеющей стали. Он, изначально волнистый, предназначался для кровли. Его использовали в ограждении, о чем говорили отверстия от гвоздей. Главная трудность в том, что лист валялся на противоположной от меня стороне дороги. В километре от участка. Это вторая сложность, которую предстояло преодолеть своими ногами. Ну и еще один момент был, чисто психологический. Тащить лист можно лишь по обочине шоссе – значит, меня будут видеть из своих машин сотни, если не тысячи, людей. Не зазорно ли учите-

лю заниматься таким крохоборством? Мои коллеги в большинстве своём имели приличные дачи, степенно ездили туда в выходные дни на автомобилях. Кто-то из них, вполне вероятно, узнает меня из окошка либо увидит сквозь лобовое стекло. Что ж, разница между нами огромная. Они выращивают в основном цветы и любят ими, а я забочусь о хлебе насущном.

Робинзонада продолжалась. В полдень тащил вдоль трассы нагретый солнцем лист металла. Рабочие здесь не успели ничего разворошить. Дорога еще не стала магистралью. Машины в обе стороны шли так плотно, что между ними и мухе не пролететь. Никто, казалось, не обращает на тебя внимания. У каждого собственные заботы, впереди – самый сложный участок, шоссе с перекрестком. Протащу метров сто – передышка. Потом еще метров сто – опять отдых. Железо скрежещет по тротуару, и этот звук для меня поглощает все другие. Только его и слышу, хочу, чтоб он как можно скорей прекратился. Не думаю о том, как мне перебраться через стаи авто на другую сторону дороги. Если не перелететь по воздуху, то это вообще невозможно. Вытру пот, отдохну, и опять принимаюсь за дело. Вдруг слышу: что-то на шоссе изменилось. Хвост последнего автомобиля исчез – новые не появлялись. Я остановился передохнуть и увидел там, откуда начал путь с листом, машины автоинспекторов. Это означало, что движение перекрыто, и вот-вот может появиться кортеж президента. Схватив нержавейку, я кое-как

перетащил ее на противоположную сторону. Надеялся при возможности перебраться в мгновение ока. Не тут-то было. Сказалась усталость, а также то, что лист всей массой лег на асфальт. Непросто преодолеть трение. А на возделенной стороне нельзя отдыхать ни минуты. Я подошел к краю насыпи и пустил с нее лист вниз по траве. Услышал вскоре за спиной вой сирен и бешеную скорость машин. Но трасса меня уже не интересовала. Я приближался с листом к своему участку.

В выходной на следующей неделе мне удалось распрямить этот лист. Действовал, прежде всего, своим весом и ногами, а уж потом молотком и пассатижами. Нержавейка не приняла первоначальный вид, однако превратилась в лист, пригодный для повторного использования. Попутно пришлось распрямлять и кровельное железо, перекрученное в самые причудливые, отнюдь не геометрические фигуры. Оно оказалось более мягким и выпрямлялось сравнительно легко. В этот же день мне удалось найти несколько досок, которые выбросили по простой причине: один конец расщепляла глубокая трещина. Но они были новые и издавали терпкий еловый запах. Собрал я также дощечки, что применялись для скрепления катков. Таким образом, мой стройматериал рос с каждым днём.

А больше всего порадовала иная находка. Рабочие, реконструируя шоссе, сдвигали старую подушку и стелили новую. Под основание её они клали волокнистый материал необыч-

ной прочности. Мягкий, миллиметров семь толщиной, он не пропускал воду. Внешне напоминал стекловату, только более растягивающийся и не рвущийся. Дорожники выбросили этот кусок, потому что он применялся для накрывания техники в дождь. Грязный. Пришлось отмывать его водой и мылом. Зато я понял, что теперь у меня есть крыша. Кто только не мечтает о ней! Одним она нужна над головой для защиты от непогоды, другие крышуют свой бизнес, чтобы защититься от вымогателей. Я желал самого простого: чтоб вода не текла мне за воротник.

Случились кряду три выходных дня. Единицу нумерологический гороскоп трактует как наиболее независимое, прямолинейное из всех чисел, награждающее человека организаторскими способностями и стремлением к лидерству. Согласно Библии, Господь в первый день отделил свет от тьмы и назвал свет днем, а тьму – ночью.

Я с раннего утра принялся за работу, сделал необходимые разметки. Исходя из имеющегося у меня материала, я мог быстро построить помещение площадью девять квадратных метров. Это меня вполне устраивало. Начал выкапывать глубокие ямы, так как именно просмоленные столбы должны стать несущими конструкции. Они оказались неодинаковой длины. Чтоб их уравнять, приходилось копать ямы на разную глубину. Самые мощные столбы я решил поставить по углам. Для них выкопал четыре ямы. Поставить их – труднейшая задача первого выходного дня. Представьте: при-

поднять такую тяжесть настолько, чтоб другой конец вошел в углубление. А потом еще нужно засыпать, утрамбовать. Засыпать только землёй бесполезно: столб станет ходить ходунном. Надо набросать в яму камней, причем таких, которые не боятся влаги. Это полевой шпат или куски красного кирпича. Полевой шпат не просто отыскать. Красного кирпича навалом. Обожженный в печи, он способен выдержать любую влажность – значит, будет надёжно держать столб. Я бросал в яму битый кирпич, а потом утрамбовывал его ломом и засыпал землей. Работал без перерыва на обед, поэтому мне удалось поставить за день, помимо угловых, еще четыре промежуточных. Неплохой итог, хотя я с ног валился от усталости. Вырисовывалось реальное дело, а не сбор утильсырья. Число 2, по гороскопу, – наиболее мягкое из всех чисел, дающее силу для движения вперед. Во второй день творенья Господь создал свод и назвал его небом. А мне предстояли земляные работы. Я выкопал ямы внутри помещения, чтобы установить там приземистые дубовые столбики для настила пола. Их копал на разную глубину. Один столбик длинней – другой короче. Выравнивая, отпилить их сложнее, чем выкопать для длинного яму поглубже: дуб не любит пилу, да и она опасается дуба. Копаю, землю выбрасываю вон. Для того чтобы засыпать столбики, ее требуется совсем немного. Сил у меня явно меньше, чем вчера, когда работал после длительного перерыва и всё представлялось несложным. А тут что? Поставишь столбик – высоковат. Приходится вы-

таскивать, снова копать и заново ставить. Развернуться особенно негде, вчерашние столбы торчат. И все-таки к полудню мне удалось вкопать столбики для пола. Отдохнув, перекусив хлебом с колбасой и огурцом, я приступил к ответственной и более тонкой работе. Предстояло соединить все восемь столбов сверху досками. Лестницу ставить нельзя, она тяжелая и неизбежно накренит столб. А мне необходимо сшить каждый перпендикулярно земле. Столбы высокие. Возле моей стройки валялся крепкий ящик, который я собирался разбить и получить из него дощечки. Он выручил меня. Я поставил его на пенёк внутри будущего помещения, дотянулся с гвоздем и молотком до верхушки столба. Гвоздь у меня новый, такой, какой требуется, чтоб пришить четырехсантиметровую доску к столбу. Забиты восемь двадцаток – скреплены восемь узлов. У меня еще оставалось время, и я вновь переключился на земляные работы. Прокопал из домика неглубокую яму, положил в нее длинную керамическую трубу под наклоном – для будущего умывальника. День закончился на мысли о небольшом удобстве, которое я устрою себе в новом жилье.

Цифра три мне всегда нравилась больше предшествующих. По гороскопу она означает нравственность, совесть. Это созидательное, вдохновляющее число, приносящее удачу. По Библии Бог создал в третий день сушу и растительность; может, и мне удастся создать свой зеленый уголок.

С утра пораньше проходила мимо соседка, вместо привет-

ствия сказала «Бог в помощь», а я поинтересовался, какова у нее картошка.

– Хороша будет, если дождик пойдет.

– Ну, нет, дождь для меня – незваный гость.

– По телевизору не обещали, – успокоила она, направляясь к себе неторопливой походкой. Золотая женщина, подумал я. О детях своих рассказала, о муже – ни слова. Может, погиб в горячей точке, тяжело вспоминать.

В первой половине третьего дня надо было сделать обвязку, для которой я намеривался использовать катки. Установив к двум столбам один большой и тяжелый, я ставил рядом другой, поменьше. Получались они не впритирку друг к другу, зато между ними не было дыр. Я прибил двадцатками эти колеса к столбам. И так со всех четырех сторон. Примеривал, присматривался, затем прибивал. Матёрые столбы вкопаны прочно, обвязка им под стать. Теперь можно лезть наверх.

Вершина стройки – каркас крыши, к которому я приступил в полдень без перерыва на обед. Одному сбивать его на высоте все равно что лаптем щи хлебать. И при этом, допустив оплошность либо потеряв равновесие, можно свалиться вверх тормашками. Не исключена возможность диспропорции, так как некому посоветовать со стороны. Это я хорошо понимал, но выбора не было. Один в поле – тоже воин по большому счету. Я приступил к делу. Помню, насколько трудно давался мне наверх каждый шаг. На первых

порах не за что было взяться рукой, гвозди – в губах, молоток – за поясом. Из двух брусьев я устанавливал в фасадной части основание для стропил. Сначала наживил на столб один брус снизу, затем – другой. Потом мне предстояло двадцатками сбить с обеих сторон верхние части брусьев. Само собой, для этой цели мне пришлось приподниматься на цыпочки. Когда я забил один гвоздь, брусья приобрели некоторую устойчивость. Мне уже не приходилось их поддерживать. Я забил гвозди до конца у основания брусьев, опять приподнялся на цыпочки и скрепил сверху брусья еще одним гвоздем. Работа требовала точности: нельзя было загнуть гвоздь, потому что впоследствии он неизбежно стал бы помехой. Брусья одинаковой длины. Я сохранял уверенность в том, что пропорции кровли не нарушены. Между двумя брусьями установил толстую и широкую обаполу, прибил ее сперва снизу, а затем сверху к брусьям. Приходилось использовать только новые гвозди, хотя они все наперечёт. Цены на этот стройматериал становились мне все более не по карману. А еще предстояло установить для кровли две такие же связки из брусьев. Весь мой запас двадцаток должен был уйти. Помнится, я именно тогда задумался, почему при своей зарплате не могу заготовить новыми гвоздями. Вокруг кипело лихорадочное строительство, каждый торопился закончить до зимы, а некоторые – до первого дождя. Не нужно особой наблюдательности для того, чтобы разглядеть: эти стройки не испытывали нужды ни в гвоздях, ни в чем бы то ни было.

Рынок ориентировался на них. А что касается бедолаг, то какое ему дело до них? Товар явно на полках не залеживался.

Возвращалась домой к обеду соседка, и я спросил ее, не получился ли у меня перекося; она сказала, что вроде бы все ровно, и добавила как будто про себя:

– Ох, крутые у нас ребятки, ох крутые!

Не знаю, какой смысл придавала она этим словам. Я предположил, что кто-то выкопал у нее несколько кустов ранней картошки. Такое, во всяком случае, случалось в прошлом. Женщина уходила по тропинке, неодобрительно покачивая головой, а я между тем прилаживал к столбу вторую связку для кровли. Два бруса похожи на предыдущие как две капли воды. Прибить их к столбу на одинаковом расстоянии от края. Ввиду удачной фасадной состыковки я надеялся на удачу и на этот раз. Для меня важно, чтоб крыша была высокой, чтобы я мог ходить на чердаке в полный рост. Я накрепко сбил брусья, установил в качестве опоры обапола, закрепил ее сверху и снизу. Тут с сожалением заметил, что неровность выбранного мной места для домика привела к тому, что фасад крыши получился выше, чем задняя ее часть. Все четыре использованных бруса имели абсолютно одинаковую длину. Гвозди надёжно сшивали их – это тоже немаловажно. Попытка изменить что-то обернулась бы новой канителью – канителью некогда. Я продолжал строить по намеченному плану. При помощи тонкого бруса я соединил сверху мою конструкцию, скрепив брус гвоздями

с обаполами. Теперь появилась дополнительная опора, я мог держаться за этот брус рукой. Предстояло установить третью опору для стропил – посередине, прибив ее к столбам и верхнему брусу. На это ушло совсем немного времени. Мне не терпелось закончить до вечера со стропилами. Времени оставалось в обрез. Задержало меня то, что горбыли, намеченные мной для стропил, находились внизу. Пришлось слезть, затащить их наверх да заодно пополнить запас гвоздей. Не утерпел, подкрепился внизу малиной. Урожай хороший. Свисали к земле крупные, сочные ягоды. Они утолили голод и жажду. Теперь я без опаски прислонял металлическую лестницу, сваренную из арматуры, к домику: он легко выдерживал и ее, и мой вес. Я прибил каждый горбыль поочередно к трём брускам. Горбыли мной окорены с надеждой на их долговечность в качестве стропил. Когда я, уходя, осмотрел стройку, то домик произвел на меня впечатление широко шагавшего богатыря.

Стропила – последнее, что я сделал на одном дыхании, радуясь при мысли о добротном месте для отдыха и инвентаря. До сих пор даже лопату и грабли приходилось прятать в кустах, не будучи уверенным в том, что завтра они окажутся там, где я их оставил. Энтузиазм подогревал меня, наращивал силу мышц, увеличивал точность каждого удара молотка. Оглядываясь назад, удивляюсь тому, насколько обычное житейское соображение может определять жизнь человека. Это ведь не какая-то возвышенная идея, а повседнев-

ная мелочь, казалось бы. И что же? Я думал о ней чаще, чем о других делах и старался поскорее прийти к финишу. Но до финиша ещё далеко, и это сдерживало мой пыл. Когда не видишь конца-краю, то поневоле возникают сомнения: правильно ли идешь? Реконструируемая трасса уже прошагала мимо моего участка, скрывшись за поворотом. Я все не мог выбраться на дачу. Другие дела казались важнее, они касались куска хлеба насущного, а земля пока, кроме ягод, ничего предложить не могла.

Таким образом, четвертый день наступил после длительного перерыва и запомнился он мне надолго. По гороскопу четыре означает психическую и эмоциональную устойчивость. Дословно в нем говорится следующее: «4 – принцип высшего порядка. Принцип существования материи (огня, воды, земли, воздуха и т. д.), принцип стабильности, тэтрада у Пифагора, наиболее практичное из всех чисел. Человеку даёт здравомыслие и удачу в деятельности, связанной с улучшением порядка, системы, правил, а также честность, искренность, веру и упорство. Негатив – склонность к лени, тугодумие, нетерпение и противоречивость». Я хотел достичь практического результата, быть деятельным и упорным – с этой стороны число 4 симпатично, как помидор на кусте. Что касается негативных сторон четвёрки, то мне оставалось надеяться: в пасмурный день они не сочтут нужным просыпаться. Господь создал в четвертый день творенья солнце и луну, и вот этих творений Господних на небе не бы-

ло: луны – в силу того, что ее увела с собой ночь, а солнца потому, что глаза его скрывала вата облаков. Начнёт моросить дождик – у меня ни крыши, ни стен. И все-таки я понадеялся на ветер. Он мог разогнать легкие облачка. Выложил все инструменты, среди которых важнейший на этот раз – ножовка.

Окинув оценивающим взглядом припасенные ранее пиломатериалы, я увидел невдалеке от моих горбылей затемненные стекла легкового автомобиля. Это был двести шестой седан с серебристым львом впереди. Передние лапы зверя угрожающе подняты, изогнутый хвост напоминал шею лебедя. Модель машины новая, с полностью независимой передней подвеской и многофункциональной тормозной системой, но изрядно потертая, с недавней вмятиной моноблочного кузова. Кроме того, я знал, что у нее просторный салон и более надежная, чем в предыдущей модели, защита пассажиров. Что могло занести такой автомобиль в сторону от трассы? Если бы поблизости находилась деревня, то наверняка в эту пору всю горланили бы третьи петухи. Впрочем, загадка вскоре разрешилась. Открылось окошко, из него что-то выбросили. Мотор ласково заурчал, машина плавно тронулась с места, и – только я ее и видел. А вдруг они выбросили около горбылей непогашенную сигарету? После долгой моей отлучки все было цело, на глазах же могли сжечь бесценные для меня горбыли. Я подошел поближе. Вот едва видная на траве вмятина от колес. А вот то, что

оказалось не нужно владельцу автомобиля. Не окурок, как думал я, а презерватив, наполненный спермой и не завязанный узлом, как это обычно делают. Может быть, он заметил меня и поспешил. Мне стало досадно от того, что трахнулись недалеко от моего огорода. Могли бы выбрать место подальше. Огород – это не просто земля, а кормилица, ее нельзя осквернять. Я взял лопату и закопал презерватив.

Начало дня со всех сторон получалось не очень радужное. Ветер не смог разогнать облака; наоборот, они сгустились, взъерошились, стал накрапывать дождик. Я решил не уступать обстоятельствам и стелить потолок. Для него припасены два лучших фанерных щита с рекламных столбов. Я затащил наверх сперва один щит, потом другой. Они легли хорошо, как я и рассчитывал, тем не менее прибивать их пока не стал. Может возникнуть какая-либо загогулина, например, при настиле пола, – и накат придется еще потревожить. Теперь же я мог, по крайней мере, укрыться от дождя. Он не усиливался, хотя я не заметил и признаков улучшения погоды. Редкие капли нудно постукивали по фанере, сбиваясь в струйку, стекали вниз. Я решил настелить крышу, чтобы дождь не столь ощутимо досаждал мне.

Обрешётку как с одного ската, так и с другого предстояло сделать всё из тех же сосновых горбылей, которые сплошь разные по размеру. Другого материала на эти цели я не имел. Пришлось на земле отпиливать лишнее, ровнять. Затем окорил их, стесал топором сучья, чтоб не мешали, затащил на-

верх и прибил к стропилам. Даже горбылей не так уж много, приходилось укладывать их не часто, но так, чтоб получилась надёжная опора для настила и с напуском вниз. Этот напуск много значит для кровли, и я постарался сделать его подлиннее. Он должен полностью накрыть выпуклые катки, чтоб на них не стекала сверху вода. Некоторые горбыли широкие и мощные. Кровля стала крепче, когда я прибил их к стропилам. Моя рука ощущала прочность, за что бы ни схватилась на чердаке, но эта прочность становилась всё более мокрой и скользкой от дождя.

Я хорошо знал два кровельных материала – толь и рубероид. Каждый из них имел свои особенности. Толь мог продержаться на крыше год-два, рубероид – десяток лет. Но и толь, и рубероид предохраняли от воды только благодаря смоле, которой были пропитаны. А как же мой материал? Толь чёрный, рубероид – тоже. Мой материал после помывки стал белый, как вата. Стоило пощупать его, и сразу становилось ясно: он особенный, на других не похож. Выдержит ли он потоки ливня? Полной уверенности у меня не было. Вспомнился разговор дорожников.

– Мягкий больно, – сказал один, щупая рулон.

– Это что брезент, – откликнулся второй. – Пальцем проведешь во время дождя, и станет течь тебе за шиворот.

Если они правы, то мне под ним от непогоды не спрятаться. Чтобы подстраховаться, я решил постелить на крышу двойной слой. Не так-то легко уложить первый отрезок,

уровнять края и сделать напуск. Еще сложнее перебрасывать второй отрезок на противоположный скат. Если первый я протянул свободно: нечастая обрешётка позволяла, то теперь все дыры в кровле были закрыты крепким куском, и мне после того, как все-таки удалось перебросить конец второго отрезка, пришлось ровнять его с помощью шеста, опасаясь сдвинуть первый настил. Дождь то переставал, то начинался снова. Моя рубашка налилась свинцовой тяжестью, прилипла к коже. И вот я очутился, наконец, на чердаке под настоящей крышей, слушал шум дождя, проводил пальцем в разных местах, но под ней было сухо и тепло, хотя солнце еще вовсе не показывалось из-за туч. Мне стало ясно, что пропускающий свет материал надежнее и толя, и рубероида. Стоит ребенку бросить камень, и в кровле, накрытой толем, – дыра. Не на много крепче рубероид. Рвутся оба с лёгкостью картона. Мой материал порвать почти невозможно, что немудрено: он предназначался под самое основание подушки новой магистрали, давление на него немалое. Конечно, куски, доставшиеся мне, изрядно измочалены и с откромсанными краями, однако, оказавшись на крыше, выровненные, они смотрелись шикарно. Даже пятна, которые мне не удалось полностью отмыть, не бросались в глаза.

Ветер усилился, и я стал опасаться, как бы он не сорвал с таким трудом уложенный на крышу материал. Несмотря на дождь, я взял запас гвоздей с подкладками под них, которые нарезал ножницами из линолеума, и полез наверх. С од-

ной стороны я прибил три рейки: две по краям ската и одну посередине. Перетащив по грязи тяжелую лестницу, то же самое сделал с другой стороны. Теперь не опасен не только дождь, но и самый беспокойный ветер. Дальше я решил не валять дурака, не мокнуть до мозга костей, а передохнуть, перекусить, а там, глядишь, дождь прекратится и раскроет глаза свои солнышко. Мои ботинки из-за намокшей на них глины превосходили свой обычный вес в несколько раз. Перед тем, как забраться в домик, я переобулся, и для меня это означало многое. Я одомашнивался, становясь на одну доску с владельцами роскошных коттеджей. Мое место находилось на самом краю, но все-таки под ногами была уже не зыбкая почва.

Я сидел на пеньке для пола и думал о счастье. Кому-то для него нужны сауна и тренажерный зал, а мне хватило крыши, по которой барабанил дождь. Это звучала утонченная музыка души, родившаяся не на земле, песня, появившаяся из мрака. Я здесь обрел минуты покоя, несмотря на шум, доносившийся с трассы. У меня не было шикарной машины, роскошной квартиры, гламурной любовницы. Я лишь испытывал удовлетворение от того, что у меня появилась крыша над головой там, где нередко промокал до нитки. Как пес, спрятавшись в будку, смотрит на дождь, так и я вижу капли, расшибающиеся в брызги. Испытываю чувство общности с живыми существами на земле и то, что отделяет меня от них: нездешнее воодушевление, ниспосланное мне твор-

цом. Именно оно заставляет делать, казалось бы, невозможное: носить пудовые ботинки по клейкой грязи, вытаскивать из неё никчемные, на первый взгляд, горбыли, держаться за воздух, стоя на краю призрачного строения. Энтузиазм может всё. Чем глубже я думаю о нём, тем ярче кажется он синонимом жизни, вечным двигателем. Без воодушевления не появились бы не только дачные домики, но и коттеджи, города, шумные магистрали, умные компьютеры. В закоулках души всегда отыщется местечко для неназойливого жителя, который, поселившись, начинает тревожить её, зовет вперёд во имя доброго дела, а добро для себя неизбежно оборачивается добром для всех.

Чем ярче оформлялись мои мысли, тем тише становился дождь. Надо поесть, так как предстояла уйма работы в усложнившихся условиях. Еда скромная, я не привык таскать на дачу провиант. Сорвал огурец с грядки, достал из портфеля кусок хлеба и сала – ешь, пока ещё шепчет тебе что-то дождь. Его слова имеют смысл до тех пор, пока ты здоров и в состоянии осуществлять свои планы. Из щелей тянет прохладой, невольно ощущаешь: становится теплее по мере того, как ты ешь хлеб, сало и умытый дождем огурец. Дождь не завидует и не желает тебе зла. Он расквасил почву, ощупал каждую нитку твоей одежды, едва не вывел из строя сотовый, но одновременно избавил от необходимости таскать из речки воду и поливать огород. Дождь – непостоянный спутник, с присутствием которого нужно ми-

риться, а об отсутствии – не жалеть. Он скорее друг, чем враг, потому что не мешает тебе думать, принимать решения, устранять ошибки.

Я спрятал мобильник в кожаный портфель, надел грязные ботинки и вышел наружу. Надо во что бы то ни стало подтащить к домику два мокрых рекламных щита для настила пола. Они и сухие были нелегкими; намокнув, превратились в пузатых гулливеров. Лежали примерно там, где я закопал презерватив, то есть не близко от моей стройки. Дождь перестал, в воздухе висела сырость. Листы, как ладошки, прятали блестящие капельки. Скользко на почве и на траве. Неулыбчивое небо заполонило облака. «Ну и денёк!» – подумал я, вспомнив про гороскоп. Никакого просвета не предвиделось. Если катить эти квадратные щиты с одного ребра на другое, то на них налипнет больше грязи, чем на мои ботинки. Если тащить за угол по траве, то надо идти к домику обходным путем, что займет много времени. Я остановился на втором варианте, потому что в моей единственной комнате пол должен быть чистым. Принципиально. Грязь потом до конца не отмыть, она запятнает чистоту моего замысла.

Итак, схватив щит за один из углов, я поволок его к домику. Как ноги у меня по колена в росе, так и щит промок с нижней, более сухой стороны. Тащил с передышкой, сначала одной, потом другой, потом третьей, а четвертая уже не понадобилась. Я увидел: цель близка и удвоил усилия. Возле домика присел на корточки отдохнуть и лишь после

этого перевернул щит на другую сторону – ту, угол которой чертил всю дорогу по траве. Этот угол был мокрый и позеленел. Но беспокоился я напрасно: на нем сохранилась часть плаката с изображением видного политического деятеля в кепке. Плотная бумага спасла щит от загрязнения. Когда я сорвал ее, то увидел совершенно чистый и сухой угол. Мне оставалось лишь поскорее затащить свое сокровище в домик. Пеньки были вкопаны ровно, фанера легла на них хорошо, но при этом стало ясно, что на углах придётся выпилить выемки для столбов, чтобы не было зазора между щитом и стеной. Сначала примерил и гвоздём нацарапал размер выпилки. Рекламный щит – это не обычная, а толстая фанера, пришлось повозиться, отпиливая угол и стараясь его закруглить так, чтоб он плотно обхватил столб. Затем – точно такая же канитель с другим углом щита, зато, подогнанный, он лег так, будто с появления на свет был предназначен не для столба, а для моего пола. Ровный, устойчивый, подчеркивающий высоту потолка. Вытянув вверх руку, я не смог до него дотянуться. Это не та хибара, что сгорела у соседки, где ей приходилось гнуться в три погибели. Здесь все по-иному. Радость переполняла меня. Замысел обретал приятные черты. Второй щит я нарочно перевернул рекламной стороной вниз и тащил прежним путем, сворачивая с него лишь там, где виднелась под примятой травой земля. Возле домика счистил, соскреб загрязнившуюся бумагу с изображением все того же политика. После необходимых прикидок

выпилил углы, и этот щит лег на своё место. Конечно, я ещё не стал прибивать щиты на полу, в одном из них предстояло сделать отверстие для трубы к умывальнику. Сточная труба уходила под наклоном далеко от территории, прилегающей к домику.

Четвертый день, самый трудный, ставящий препоны на пути к цели, завершился, как и начался, дождём, но это был для меня светлый дождь: за спиной вырисовывался силуэт дачи.

Удивительное число 5! По гороскопу оно означает интуицию, двойку высшего порядка, принцип существования человека, его энергетическую основу. Обещая победу духовной природы над материальной, даёт человеку смелость, любовь к приключениям и путешествиям. Это число – торговец и менеджер, пуповина к успеху. А в Священном писании Господь сотворил множество живых существ в воде и на суше, благословил их с призывом плодиться и размножаться. Материальная природа возобладала в пятый день творенья над духовной.

Я мог спрятаться в домике от дождя, но не от холода и ветра. День не отличался ненастьем, хотя не предвиделось и особого тепла. Солнце глядело исподлобья среди прозрачных облаков. Со стороны шоссе доносился неумолчный шум авто. Вчерашняя грязь понемногу иссякала, оставляя неровности в почве. Тенькали синицы, чирикали воробьи. Окрестности кишели никого не смущающейся жизнью. А для ме-

ня утро началось с того, что я проверил еще раз – утро вечера мудренее – щиты, уложенные внизу, и, не обнаружив несостыковки, решил выпилить отверстие для трубы. Это была морочливая работа, потому что отверстие требовалось не с краю, а в самом щите. Пришлось сначала начертить его карандашом, долотом сделать сквозное отверстие и узким полотном лучевой пилы выпиливать этот кружок. Зато следующее дело оказалось лёгким и подарило мне радость: я прибил щиты к столбикам и оказался на ровном полу. На него можно было даже постелить палас. Как много значит хотя бы призрак уюта!

Прибивать щит к стене снаружи труднее. Хлебнув вчера дождя, он изрядно заматерел. Что стоило мне поддерживать такой щит одной рукой, одновременно прижимая его к стене, а другой забивать первый гвоздь в верхнем углу! Не пристанешь на цыпочках – не дотянешься до гвоздя. А пристанешь – ослабишь левую руку, которая держит и прижимает щит, пошатнёшься от напряжения, вот-вот брякнется он плашмя наземь, а ты вслед за ним. Допустить это нельзя, потому что время дорого и не так-то просто будет приладить его снова. Станет после резкого падения настолько грязным, что не отмоешь. Я не хочу, чтоб домик был похож на сарай. Я вижу его незапятнанно-светлым, какой бывает у человека мечта. Когда забит первый гвоздь, когда у щита появляется опора, можно работать не торопясь, отойти в сторонку и посмотреть, нет ли перекоса, а затем забить оставшиеся

гвозди. Верхние шли в столб и свежую еловую доску. Нижние гвозди входили в каток, который на треть был вкопан в землю. Каждый щит, прибитый снаружи, добавлял прочности, хотя казалось, что домик уже не нуждается в ней. Было ясно, что он сможет пережить многие здешние сооружения из более твердых материалов. Все дело в том, как скомпонованы они, не оставлена ли лазейка для коррозии, гнили и плесени. У меня были обиты толстой фанерой две стороны, и при этом снизу оставались небольшие отверстия для сквозняка: он лучше всех гарантирует сохранность древесины, соприкасающейся с землей. Третья сторона – это фасад, где я намеривался сделать окно, самое настоящее большое окно, а не форточку. С размером его дело решилось раньше, как только мне попалась решётка от радиатора грузовика. Именно жёсткой решётке предстояло пропускать свет и защищать окно.

По бокам я прибил её новыми гвоздями к столбам, сверху и снизу – к прочным брусам, соединяющим эти столбы. Гвозди были такой длины, которая позволила мне сделать загиб с противоположной стороны и вогнать его в брус. Так решётка стала частью домика, закрыв собою хрупкое стекло. Остальную часть стены, начиная от верхней еловой доски до той части катка, что вкопана в землю, я обил фанерой. Она закрыла собой края решетки с боков, сверху и снизу. Можно было сделать перерыв, полюбоваться фасадом, но самое трудное все ещё оставалось впереди. Пред-

стояло не только обить фанерой заднюю часть, но и сделать напротив окна дверь, которая позволила бы войти, не пригибаясь. Дверь – это не калитка, её не навесишь кое-как, не собьёшь наспех из первых попавшихся досок. Это не фасад, который непременно нужно приукрасить. Это визитная карточка строения, критерий пригодности его для человека. У меня должна получиться высокая металлическая дверь, безукоризненно выкрашенная белой краской, надёжная и при этом точь-в-точь подогнанная к коробке. Вернее, мне предстояло коробку подогнать к двери. Дверь я припас заранее. Когда я нашёл в ближайшем лесу полностью сохранившийся корпус автомобиля, то понял: здесь не диво отыскать всё, что угодно. И я рыскал вокруг, мне могла пригодиться всякая всячина. Во время одного похода я наткнулся в кустах лещины на дверь холодильника. Вероятно, это был агрегат на несколько семей или целый взвод солдат. Возможно, у него вышел из строя мотор, дверь же сохранилась как новая: краска выдержала воздействие непогоды. Теперь я видел, что находка идеально соответствовала моему домику. Начал кропотливо работать над ней, и старанию моему не было предела. Нельзя испортить имеющийся материал, так как заменять его нечем. Нельзя даже оцарапать, потому что каждая царапина нарушила бы намечавшуюся гармонию. А повозиться пришлось немало. Внутри двери сохранились два металлических стежка, идущие крест-накрест. Они соединяли противоположные углы. Я решил этот до-

полнительный крепёж сохранить, хотя он мешал вставлять во всю длину толстые доски: они необходимы для крепления петель и замка. В каждой доске пришлось выпилить снизу и сверху отверстия, чтоб не мешали стежки из металла, и только после этого доски легли на предназначенное им место. Они подошли как раз по толщине, что позволило мне прочно закрепить каждую при помощи гвоздей. Все они выходили с противоположной, внутренней, стороны, где я их загибал, после чего вновь вгонял в доску, по опыту зная: такая связка среди всех прочнейшая. Железо, из которого изготовлена дверь, сравнительно мягкое. Доски во всю длину усиливали надёжность, но и увеличивали вес. А ведь еще пришлось сбивать их поперек. Я вместил между стежками две дощечки и закрепил их гвоздями с торца. Когда я прилаживал петли, меня пришла проведать соседка, и, оглядев мою кровлю, похвалилась:

– А мне дорожники оставили початый рулончик.

Я догадался, что она имеет в виду материал на крыше. – Нет, сейчас у них более тонкий, рвущийся. Такой, как у меня, они использовали в самом начале, на него потом легла вся подушка. – Не протекает?

– Да нет пока.

– Ну, помогай Господь, а я пойду клубничку убирать.

И она пошла вниз по тропинке между зарослями ольхи. Я посмотрел ей вслед и подумал, что руки выдают, стоящий человек или зряшный. Так бережно мог нести их только ис-

тинный работяга. А как я ношу свои руки? Увы, время для размышлений улетучилось. Предстояло сделать дверную коробку и порог. Слева находился самый толстый из моих столбов. Он имел неровности, которые нужно удалить и сделать долотом в столбе углубление, соответствующее толщине двери. Справа стоял граненый столбик из железа, он имел две грани, а внутри по ширине и длине – брус. Я удалил брус по высоте двери, и эта выемка стала металлической частью коробки. Снизу и сверху коробку составили обыкновенные доски. Если и была в чем загвоздка, так это в том, как крепить доску, соприкасающуюся с железными гранями. Снизу я забил в нее гвоздь, соединив таким образом с остающейся внизу частью бруса, затем сделал с помощью дрели отверстие в одной грани железного столбика и забил через него гвоздь в торец доски. Так же была закреплена доска сверху. К ней я прибил еще доску с выступом, который не позволит открывать дверь вовнутрь. Лишь после этого, примерив дверь к уже определившейся коробке, я начал выдалбливать долотом отверстие в столбе. Сняв черный слой, я обнаружил под ним желтизну, свойственную свежей древесине. Не рискнул углубляться дальше из-за неуверенности в том, выдержит ли она длительное воздействие сырости. Крыльца у меня не предусмотрено, так что косой дождь мог добраться до моей выемки, а она сделана в сосне, не очень-то устойчивой к влаге. Итак, я решил ограничиться тем, что есть, и попытался навесить, однако быстро понял, что сегодня эта

затея не вытанцовывается. Те петли, которые я принес с собой, не смогли держать утяжелённую дверь. Надо подыскивать более прочные.

Я приступил к порогу, получившемуся в итоге добротным и высоким. Доски, которыми соединялись катки, как разгодились по длине для этой цели. Порог отличала прочность, поскольку налицо хорошая опора: просмоленный столб и железный столбик с брусом. Теперь заднюю часть домика предстояло обшить фанерой. Как и прежде, мне было тяжело прибить верхний лист, придерживая его одной рукой и прижимая всем телом. Я устал от непрекращающейся канители с дачей. Успел позавтракать, но не смог пообедать. Обнаружил неувязку, когда дверь легко сорвалась с петли, будто последняя сделана из фольги. И всё-таки я довожу обшивку до конца. Вот прибит со всех сторон главный щит, отрезаны ножовкой куски для тех частей, что находятся над дверью и под ней. Резать толстячку-фанеру труднее, чем прибивать, однако в результате весомых усилий я уже могу стать на порог. Войдя, мне не нужно подниматься на цыпочки. Я почти прекратил доступ взбалмошному ветру: гуляй себе на воле, не лезь добровольно в тюрьму. Тут звякнул мой мобильник, и я, поговорив пару минут, понял, что рабочий день финишировал.

Шестёрка по гороскопу сущая вертихвостка, соединяющая антиподов в двух мирах – высшем и низшем. Что это за соединение, я не имею представления; может быть, это

обычное совокупление для продолжения рода. Причём шестёрка награждает человека не только потребностью в браке, семье и детях, но и дает ему качества воспитателя и целителя, чтоб он мог сберечь своё потомство, своё будущее. Возможно, с такой же целью шестёрка способствует развитию творческих способностей, интереса к гармонии и красоте. Однако она горделива, ревнива и властна, с ней лучше соглашаться, чем хотя бы шёпотом возражать. Она явно не девица, а матёрая жена. Ветхозаветный день творенья прошёл в труде священном. Всевышний создал скот, и пресмыкающихся, и диких зверей. Увидев, что это хорошо, решил сделать еще лучше: сотворить человека по образу и подобию своему, чтобы властвовал он над созданными ранее рыбами морскими и птицами небесными, над скотом и пресмыкающимися. Мужчиной и женщиной сотворил Бог людей, чтоб они плодились и размножались, наполняли землю и овладевали ею.

Я приехал, когда солнце только-только взошло, заглянув безбоязненно в мое решетчатое окошко. «Здравствуй, домик! – мысленно сказал я. – Сколько сил ты потребуешь ныне?» Домик молчал, и мне было легче от того, что ничего не надо ему объяснять. Я затащил в будущую комнату несколько щитов для внутренней обшивки и принялся за дверь. Теперь в моих руках не широкие, а длинные петли; они могли выдержать груз небольших ворот, не то что мою холодильничиху. С утра свежо, а тут еще туман; я на-

тянул поверх рубашки свитер, сразу почувствовав себя уютнее, и приступил к делу. Вчерашние петли пришлось снять, не повредив при этом ни доску, ни железо. Новые, охватывая полностью толщину двери, в высоту ее шли вдвое дальше – следовательно, были надёжнее. Если вчера я прибивал петли гвоздями, то сегодня решил воспользоваться шурупами. Делать, так делать – на гвоздях дверь рано или поздно свесится из-за неизбежного перекоса. Ввинтить шуруп и в доску сложно, а тут еще железо; конечно же, пришлось воспользоваться дюбелем и сделать для каждого шурупа небольшую дырочку. И всё равно, работая обычной отверткой, мороки не избежать. Я провозился с петлями вдвое дольше вчерашнего, натер волдырь на ладони, зато дверь вошла тютелька в тютельку в предназначенное место. В столб же я ввинтил всего четыре шурупа: два в нижнюю петлю и два в верхнюю. В остальные дырочки вогнал мощные гвозди: столб – не доска, не расколется.

И все-таки шурупы оказались сегодня не самым ответственным этапом. Оставался неизрасходованным материал от кровли. Я открыл в нем новую особенность: он настолько плотный, что почти не пропускал воздух. Чтобы в домике стало теплее, я обил его этим материалом со всех сторон. Не пришлось использовать при этом лестницу, хватило плотно сбитого ящика, который я таскал за собой. Нужно прибить повыше – ставил на торец, пониже – клал ящик на землю плашмя. Не каждый гвоздь шёл безукоризненно. Соче-

тание прочной фанеры и такой же добротной обивки порой немилосердно гнуло гвоздь в три погибели. Приходилось его выпрямлять, но и повторная попытка ни к чему не приводила. Тогда я брал недавно купленный на рынке гвоздь, решающий проблему. Моя дача стала напоминать гигантский кокон, сплетённый фантастическим трудоголиком. Однако у этого кокона имелось окно и едва заметная белая дверь. Я решил, что мне надо так повкалывать за оставшееся время дня, чтоб от сравнения с коконом ничего не осталось. Мне вовсе не по душе то, что мой домик напоминал дремотную обитель личинки насекомого.

Без лестницы никак не обойтись. С трудом приставил эту махину к стене и отправился за листом железа. Распрявленные мной листы лежали до сих пор без применения. Сейчас настал их черёд. Не могу представить, что побудило предыдущих хозяев сорвать добротный материал с крыши. Его изготовили из нержавеющей сплава, напоминающего по качеству дюраль, покрашенный в разный цвет с обеих сторон. Наружная сторона нержавейки красная, внутренняя – серая. У меня даже в мыслях не было укладывать металл на стропила; кровля уже лежала на своём месте, причем хорошая. Из беспорядочных обрезков вновь собрать крышу всё равно что войти два раза в одну и ту же реку. Значит, кровле оставаться белой, а домик будет красный: я его обобью нержавеющейкой.

Один отрезок внешне подходил для торца крыши. Я при-

мерил и убедился, что он на нужном месте вверху спрячет под собой белую обивку. И ещё в том, как трудно будет его прибавать. Лист тяжёлый, края неровные, острые. При примерке заусеница зацепила свитер, едва не порвала единственную здесь теплую вещь. Спустился по лестнице вниз и приставил железо к ольхе поблизости. Снял свитер, повесил на нижнюю ветку, хотя утренняя прохлада ещё не иссякла. Свитер и второпях порезанный металл казались мне несовместимыми. С одной стороны – нечто мягкое, пушистое, вроде котенка; с другой – жёсткое, ершистое, как панк. Избавившись от свитера, я почувствовал готовность работать с железом. Дюбель теперь – мой помощник. Он легко пробивал нержавейку, в то время как гвоздь тупился и гнулся. Наделав нужное количество дырочек, я взял в губы несколько гвоздей и полез вверх по лестнице, держа жёсть двумя руками (одна была с молотком). Приладил лист к торцу крыши, приготовился забить первый гвоздь. Вдруг из домика донесся резкий звук – неожиданный в полнейшей тишине, окружавшей меня. Я выронил молоток, который, звонко стукнувшись о лестницу, свалился в росную траву. После этого сообразил: дал знать о себе сотовый, оставленный в портфеле. Мне прислали какое-то сообщение. «Может, чего стряслось», – встревожился я и стал спускаться с листом по лестнице. Зашел в домик, достал телефон – на экране SMS-ка: «Продаю свою телку недорого, надоела, шалава». Шутка такая или не шутка, но я облегченно вздох-

нул, удалил прочитанное и вернулся к неподатливой жести. Предстояло взбираться с ним по лестнице в третий раз. Вокруг по-прежнему никого, туман исчез, оставив после себя щедрую влагу. От неё посвежели огородные растения и малинник. Солнце разохотилось, пригревая всё сильнее мою долговязую дачу. День обещал стать жарким. По листочкам ольхи сновали блестящие жучки-объедалы. Я знал, что это опасные вредители, которым ничего не стоит раздеть ольху, оставив её без зелени. Но все-таки было приятно: я тут не один, рядом хлопочут другие, пусть и мелкие, существа. К ним я хотел обратиться с какими-то словами и не обратился, потому что с шоссе донесся вой сирены: может, вот-вот появится авто президента.

На сей раз мне ничто не помешало на верху лестницы прибить гвоздями к торцу кровли лист нержавеющей стали. Только и теперь первый гвоздь пришлось вбивать с таким трудом, как будто он вообще первый гвоздь в жизни. Равновесие неустойчивое, лист на руках и молоток, надо держать всё и одновременно взять один из тех гвоздей, что торчат в губах, вставить в дырочку, прибивать молотком. Тут мало сноровки – требуется еще что-то, может, особое созидательное вдохновение; во всяком случае, это что-то в те моменты находилось во мне. Загнал гвоздь-первопроходец, а там всё двинулось вперед как по маслу. Лист, который я не ровнял, не подрезал, закрыл торец крыши от начала до конца – единственный случай при работе с нержавеющей сталью, когда не пона-

добились ножницы. Красный цвет поразительно преобразил фасад моего строения! Появилось в нем нечто по-женски тёплое, домашнее, родное, с чем сталкиваешься либо в детстве, либо еще раньше, в материнской утробе, когда окружающий мир вдоль и поперёк неизвестный, загадочный и опасный. Я осмыслил и рад тому: выбор правильный. Красный домик с белой крышей – это шикарно, это заслуживает внимания и отрадно для глаз.

Я не хотел оставлять напоследок торец крыши с обратной стороны над только что навешенной дверью. Железа могло не хватить, тогда нарушилась бы цветовая гамма. Пришлось тащить лестницу на противоположную сторону. Толстая арматура сварена надёжно, но она оставалась арматурой – неровной, неуклюжей. Неровности впивались в плечо. Метр пройдешь с ней – надо отдыхать, а то она, кажется, способна поломать ключицу помимо того, что оставляет на коже клеймо. Ни за что сам для себя не делал бы такую лестницу, но когда для тебя делает кто-то, то ты благодаришь его за хорошую работу, видя действительно надёжную вещь. В ней не подведёт ни одна ступенька. А потом, при обнаружении её недостатков, от восхищения не остаётся и следа. Ты втайне планируешь смастерить лёгкую, однако не менее добротную лестницу. Времени для этого нет, и ты продолжаешь топтать, подобно старому коню в сношенной упряжке, со своей привычной тяжестью. Как бы то ни было, лестница, наконец, грузно вгрызлась в землю перед дверью. Я стал прики-

дывать, какой лист можно лучше приладить к торцу, и увидел, что такового листа не имею. В лучшем случае, придётся использовать две половинки. После первичной примерки определились и листы, и сколько от каждого придётся отрезать, чтоб они пришлись впритирку друг ко другу. Кровля заметна издалека. Некрасиво, если один лист станет топорщиться из-под другого. Плёвая несостыковка приобрела бы значение промаха.

Вооружившись ножницами, я стал подгонять листы так, чтоб каждый представлял собой прямоугольный треугольник, а вместе они должны образовать треугольник равнобедренный. Чёрные ножницы массивны и неуклюжи из-за больших колец, куда просовываешь пальцы. Они с лёгкостью режут кровельное железо, но быстро, что называется, устают. Чем дальше заходят в лист, тем трудней резать не только из-за того, что тупеют. У больших ножниц невысока маневренность, их трудно повернуть и невозможно резать, если не подогнуть хотя бы один край початого листа. Но все-таки чувствуется: они предназначены для работы с железом, поэтому, в общей сложности, я не затратил избыточно времени на подготовку материала для кровли. Равнобедренный треугольник на земле был готов. Предстояло вознести его туда, куда предназначался. К торцу крыши прибывал по половинке. Это, с одной стороны, проще: вдвое легче затащить вверх по лестнице. С другой – труднее; надо оставить для второй половины ровно столько места, сколько нужно. Мне

удалось состыковать половинки наилучшим образом. Даже вблизи не сразу разглядишь: это отнюдь не целый кусок. Так торцы кровли с обеих сторон сделались красными.

Мне захотелось поесть, а я не захватил с собой даже хлеба. Нашёл на грядке молодую тыкву, очистил кожуру и съел ломтиками треть. Это был особый сорт сладкой тыквы, есть её и сырую приятно. Она содержала, по-видимому, какие-то вещества, нужные организму. Закусил черной смородиной, которая уже налилась спелостью. Надо продолжать послеобеденную вахту, но меня прямо на траве сморил от усталости сон. Снился мне мой нарядный домик, который вертелся передо мной волчком и говорил:

– Не забудь, мне еще нужен свет, я не могу без света.

– Свет от Господа, – говорю ему.

– А как же та, – спрашивает, – которую ты всю жизнь любил?

– Пусть ей фары светят да подфарники.

В жизни я такого ни за что не сказал бы, поэтому захотелось прогнать его, отказаться от своих слов, произнесенных во сне. Я перевернулся на другой бок, и настырный сон улетучился. Можно представить моё положение, когда, очнувшись, заметил, что продрых, по меньшей мере, два часа. Солнце беспечно катило в небе вторую половинку дня. Надо навёрстывать упущенное, и я, засучив рукава, снова взял в руки молоток и гвозди. Нижнюю часть домика обить железом намного проще, чем верхнюю. Я брал лист, какой он

стал после выпрямления, прилаживал к стене и, сделав дюбелем в верхней части дырочку, забивал в неё гвоздь. За ним шли остальные нужные гвозди. Они прочно крепили лист, а он безупречно скрывал обивку. Следующие листы пошли в дело без проволочки. Все они по площади намного меньше скрепляющих торцы кровли. Лишь два последних листа пришлось перед употреблением подрезать ножницами для того, чтоб вся стена с одной стороны стала красной. Тут мне стало ясно: кровельного железа на всё строение не хватит. Волей-неволей с северного направления придётся во всю длину использовать дылду-нержавейку, с которой мне довелось пересечь президентскую магистраль. По размеру лист подходил вполне, закрывая стену до крыши. Дюбель пробивал его, по сравнению с кровельным железом, не без напряжения, и все-таки мне удалось надёжно закрепить материал на стене. Я использовал длинные гвозди с широкими шляпками, которые проходили каток насквозь, загибал их с внутренней стороны, вгоняя загиб в древесину. Теперь домик не выглядел игрушечным; наверное, из-за большого листа, по цвету напоминающего цинк. У меня появилась уверенность, что железа на обивку хватит. Да и работа пошла шустрее: я надеялся успеть до вечера. Ту сторону, где находилась дверь, обшил без малейшей загвоздки. Особенно приятно было всаживать гвоздь в столб. Чувствовалось, как плотно охватывала древесина входящее в нее острое жало. Белой здесь оставалась лишь сама дверь – все остальное стало красным.

В чём причина проволоочки, возникшей со стороны окна? Нехватка материала. Оставались кусочки, размером с гулькин нос. Нужно обить ими всю стену, сделать над решёткой козырёк для защиты от дождя. Казалось, что он, находясь над окошком, добавит домику домашности, сделает фасад уютнее. По этой причине я решил начать с козырька. Куска железа, который годился для данной цели, у меня не было. Пришлось от самого большого из оставшихся листов отрезать основание. Я прибил его над решёткой: получилось недурно. Козырек в верхней части широкий, книзу сужающийся, но все равно нижняя его часть нависала по всей ширине окна, предотвращая попадание в него стекающей сверху дождевой воды. Скрыта некоторая сумрачность решётки. Опасения насчёт вероятной нехватки кровельного материала оправдались, хотя я нашёл место для каждого имеющегося у меня лоскутка. Незакрытым был небольшой участок стены под окном. Я оставил его напоследок: делая здесь обивку, сидел на корточках и сгибался почти до земли. Сейчас и рад бы посидеть, да не с чем. Весь кровельный металл использовал подчистую.

Семерку нумерологический гороскоп трактует как соединение тройки (духа, ума и души) с четверкой (миром), семерка соединяет знания с мудростью, концентрирует интеллект и обостряет интуицию. Помимо этого, семерка – число аскетизма, снабжающее человека одиночеством. Скрытностью и склонностью к пьянству. И все-таки семёрка – лю-

бимое моё число, вошедшее в дату рождения. А что говорит о нём Книга книг с точки зрения вечности? В день седьмой завершил Бог работу свою, которую создал себе, благословил этот день и освятил его.

Я привёз с собой замок, но опоздал: на даче побывали гости. Сразу невозможно понять, заходили они переночевать или посмотреть новостройку. Немудрёная тайна прояснилась: вели себя здесь по-свински. Посредине моей горницы оставили кучу говна и лужу мочи, а также запахи, связанные с испражнениями. Вихрь самых грустных чувств поднялся со дна моей души. Хотелось помчаться в милицию, рассказать о старании сделать всё как можно лучше, красивее и о том, что варвары осквернили недоделанное, наплевали на мои старания, харкнув и постыдно скрывшись. Что они стремились этим вандализмом показать? Стройные коттеджи соседей – это круто, а мой домишко – задрипанная сральня? Так подобных строений окрест пруд пруди: лишь избранные свили для себя роскошь.

Преодолевая отвращение, я стал осматриваться в скудном утреннем свете, проникающем в окошко. Увидел на полу бумагу, которой подтёрли жопу. Это обычная бумага в клеточку, вырванная из общей тетради. На каждом из двух обнаруженных мной листков виднелась запись синим стержнем. Мне не терпелось узнать, кто эти осквернители, и я палочкой распрямил листы и стал читать. Здесь были лекции по математическому анализу, записанные в педагогическом вузе,

а самое главное – я нашел и курс, и группу вместе с расписанием лекций на всю неделю. Можно по этим вехам отыскать владельца тетради? Пожалуй, да, если только он не передал свою тетрадь кому-то другому, который использовал её вместо туалетной бумаги. И зачем мне в случае удачи срамить принародно каких-то пачкунов, собирающихся учить детей? Я думаю, это не пошло бы им на пользу, раз они с такой лёгкостью избавляются от человеческого облика. Если же это студенты, которым негде было переночевать, то их нелегко упрекать в свинстве: неприютность заслуживает снисхождения. Но могли побывать тут и расчётливые срули, стремящиеся выжить меня с участка. Вот нагадим в его пристанище, глядишь – смотает удочки. Видел я как-то неподалёку ГАЗель, стайку девчат и при них пастыря. Время от времени к ним подъезжала легковуха, забирала одну и увозила. Девчата никому не мешали, их никто не беспокоил. Выглядели они беспечными и, казалось, ни о чем не задумывались. Мог ли я помешать этим девчатам? Они даже не смотрели в мою сторону. Оставалась еще соседка, женщина добрейшей души. Ей-то уж точно я не мог насолить. Мы вместе копались на своих участках и помогали по-соседски друг другу. Всё выходило хорошо, когда на деле всё плохо.

Начало дня испорчено. Но уже поднималось солнышко, улыбался фиолетовыми глазами совсем рядом с окном иванчай. Ничего не попишешь, становись уборщиком, выметай чужое дерьмо, хотя и веника ещё не припас. Впрочем, взгля-

девшись внимательнее, я обнаружил, что незваные гости на-срали на тот щит, который я приготовил для внутренней обшивки. Это утешило меня: пол – одно дело, обшивка – другое. Я кое-как вытащил загаженный щит из домика, отбросил его подальше и внес для обшивки новую фанеру. Сегодня я решил сделать дачу недоступной для любителей подложить ближнему свинью. Сначала я разрезал ножницами прохудившееся цинковое корыто. Оно дало мне в итоге отличный материал для завершения дела, начатого в прошлый раз. Добротным листом цинка я обил ту часть стены под окном, что оставалась снизу без металлической защиты. Весь дом, за исключением крыши, приобрёл железное обличье. Первоначально я планировал на этот день внутреннюю обшивку помещения, но утренний нехороший сюрприз заставил на время отказаться от неё. Старательно построенный домик не может быть уязвимым, полагаясь лишь на замок. На всякое хамство лучше давать не заурядный, а достойный ответ.

Я решил оградить участок крепким забором и не оставить в нём места для калитки. Превратить сокровенный плод моих усилий в общественную сральню не удастся. Не зря припасены четыре дубовых столбика, которые я заблаговременно окорил топором и подсушил. Поблизости корчевали лес для расширения шоссе, и вот память об этой раскорчёвке – дубки, ныне столь необходимые мне. Предстояли земляные работы, нужны ямки не только для дубков. Между ними надо

разместить не менее четырёх столбиков. Я мысленно прикинул, и получилось, что мне следует выкопать не менее двадцати солидных углублений. Лопата, когда-то хорошо наточенная, теперь неохотно грызла землю. Пришлось пройтись по острию несколько раз бруском. Лезвие засияло на солнце новым гривенником, что избавило от лишней канители. Я поплевал на ладони и начал копать. Почва мной же приотптана, поэтому сперва лезвие шло тяжело, дальше – легче: там оказалась сухая, распадающаяся на геометрические фигурки земля. Прежде всего я выкопал ямы для дубков. Они образовали вокруг домика квадрат, каждая его сторона равнялась шести метрам. Эти ямы были глубокие, потому что предназначались для высоких столбиков. Для толстых коротышек, имеющих в запасе, требовались углубления пошире. Широкие, но неглубокие ямы копать легче, чем глубокие, откуда непросто выбрасывать наверх землю. В одном месте я призадумался. Стараясь копать по струнке, используя для ориентира провод от одного дубка до другого, я наткнулся в нужном мне месте на корни ольхи. Проще всего срубить ее, однако пожалел, привык к деревцу, к его листве и темно-коричневым шишечкам. Отступил и выкопал яму немного дальше намеченного.

Дубки вкапывал основательно. Насыпал битого кирпича, щебня, трамбовал. Их предстояло превратить в часовых нового двора, держащих на мощных плечах весь забор. Широкие столбики грузно становились на свои места. Битый кир-

пич и щебень уже израсходованы. Заполнял ямы землей да усердно трамбовал. Там, где отступил от ольхи, дородный столбик показал своим боком, какой допущен изгиб, но исправлять собственную корректировку я не собирался. И так, постовые выросли словно из-под земли – разного роста, разного возраста. Лишь дубки петушились среди них, будто говоря: мы – спецназ, не подведем. Почти каждый из оставшихся щитов имел какое-либо увечье. С ними не церемонились, срывая с насиженных мест: бросали, давили, ломали. Я притащил на свой участок то, что уцелело от гигантского сражения, а уцелели в основном инвалиды. Теперь предстояло использовать их так, чтобы увечность не бросалась в глаза и чтоб они стали прочнее от связки с другими. Вообще-то в этом материале изначально имелось ценное достоинство: он не боялся дождя. Будучи распят на столбе, щит и мок, и промерзал, но оставался звонким и молодцеватым. Даже потемневшие участки на нём не говорили о принадлежности заведомому калеке. Один за другим я прибил щиты к столбикам. Мне не нужно было поддерживать их на весу; следил лишь затем, чтобы каждый становился в ограждении вровень с соседом. Если в нем зияла дыра, таилась трещина или перелом, я старался, чтоб увечье оказалось внизу. Верхняя часть от одного дубка до другого, ровная и крепкая с виду, полностью скрывала столбики-коротышки. Выступ получился, как я и ожидал, лишь возле ольхи, однако он находился сбоку от домика, в густых зарослях малинника.

Середина моего забора вышла слабоватой: сказалось то, что еловых толстяков приходилось вкапывать на небольшую глубину и засыпать землёй без добавления щебня, битого кирпича. Я вовсе не собирался оставлять новостройку в беспомощном состоянии. Вонючая картина сегодняшнего утра все ещё маячила перед глазами. Только что пришлось прибивать к столбикам щит, с трудом очищенный от жидкого кала. Он сохранился лучше других, не имея даже сколько-нибудь заметной царапины, и тем не менее казался мне ущербным. Да и запах нужника не удалось отмыть водой. Я надеялся лишь на солнце, которое пригревало мой затылок и не отличалось при всей своей красоте брезгливостью. Оно могло вылизать скверную вонючку невидимым языком.

Может, из-за того, что пришлось иметь дело с испражнениями, у меня пропал аппетит, и я настроился довести начатое утром без передышки до конца. Сначала предстояло укрепить дубки, а потом с их помощью – середину. У меня были в запасе толстые, но не широкие доски во всю длину забора. Набрякшие от росы и дождя, они по весу могли равняться со вкопанными дубками. Их надо было прибить к дубкам в самой верхней части на уровне моей головы.

– А где же калитка? – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся: передо мной стояла соседка. В руках – пустое ведро; наверное, шла за помидорами.

– А зачем она мне? Я тут редко бываю.

Женщина неодобрительно покачала головой. Не расска-

зывать же ей про срулей! Это значило бы самого себя дерьмом обмазать: вот построил, дескать, домик, который только пачкунам и пригодился. Соседка ушла привычной тропкой, и у меня не хватило духу попросить подержать с другого конца доску. Это занятие могло оказаться тяжеловатым для неё.

Пришлось исходить из того, что было, а было немного: я устал канителиться с домиком, да и с забором тоже. Плюнуть бы на всё и заниматься основным делом, для которого ты создан на свет. Старательно улучшать его на пользу себе и близким. Лелеять, как самую классную новинку техники, подаренную друзьями. Сознать, что она поддерживает твоё существование существеннее, чем огород, который съедает уйму физических сил. А результат? Наплюют либо насрут в душу ни за что ни про что, и попробуй потом этот срам вычистить. От работы, говорят, конидохнут; любой человек, даже самый дебёлый, ничто по сравнению с выносливой лошастью. Так почему же тянутся руки к земле? Или это зов поколений, исчезнувших с её лица, но запечатлённых краешком подсознания? И в не шумном зове – простая мудрость: земля всегда даст тебе нечто важное, без которого ты – дырка от бублика? Как бы то ни было, я почувствовал, что сейчас не в силах разорвать те цепи, которыми опутаны руки и ноги. Наживил доску с одного конца – пошел к другому. Для меня важно, чтоб верхняя доска шла параллельно щитам. Имея это в виду, прибиваю доску к дубку. Потом возвращаюсь туда, где лишь наживил её, и если параллельность

соблюдена, закрепляю другой конец, ощущая, как неохотно выпускает в себя дуб острый металл.

Таким образом, у меня соединились длинными досками все четыре дубовых столбика. Середина оставалась довольно хилой. Толстячки не шатались от ветра, а возьмешься за них рукой – тотчас проявляется женская податливость. Предстояло придать им мужской силы. Я сохранил несколько кусков тонкого полотна – не такого, которое пошло на крышу, но все-таки прочного, хотя и полупрозрачного. Эта его прозрачность заляпана песком, глиной, а в некоторых местах – мазутом. Понадеялся на то, что упрямый дождь, в конце концов, отмоем материал от грязи. Обернул им забор по периметру с наружной стороны. В нескольких местах он был порван. Пришлось потратить часть из не ахти какого запаса гвоздей для крепления к забору обеих сторон разрыва. Много растранижил их на самом верху, укрывая соединительные доски. Каждый гвоздь требовал прокладки из линолеума. Только при этом условии он надёжно прихватывал материал, прижимая его к древесине. Немало гвоздей забил в низкорослые столбики, зато образовалась связь между ними и верхом забора, да заодно и с дубками. Середина наконец-то приобрела устойчивость.

Осмотрел свое детище придирчивым взглядом. Даже мыши запросто не проникнуть к домику, поскольку я обивочный материал присыпал снизу землёй и утрамбовал ногами. При этом не закрывал глаза и на то, что одна сторона за-

бора получилась скособоченной из-за корней ольхи. Личинки-объедалы темно-синего жучка не оставили неповрежденным ни одного листочка. Зачем оно мне, обглоданное вредителем деревце? Не очень приятно видеть зелёную одёжку с дырками насквозь. А на следующий год жучки расплодятся. Даже их цвет показался мне теперь отталкивающим. Я оградил обжору там, где он днюет и ночует, и тем самым как бы поощрил его на дальнейший разбой.

Чувствовалась усталость солнечных лучей, солнечного тепла. В эту пору вполне могла прийти SMSка о том, что меня уже ждут. Я решил опередить ее и написал: задержусь на даче. Краткость – сестра таланта, если денег на счёте немного. А мобильник – брат каждому, кто не хочет, чтобы время застало его врасплох. В общем, я смог спокойно преодолеть состояние выжатого лимона и так же безмятежно трудиться. Только сейчас предстояло перенести свои усилия за ограду, а потом и в сам домик. Помню, как я пожалел в тот раз, что не сделал калитки. Забор получился почти в мой рост, перебраться через него без видимого выступа непросто. Я несколько раз подпрыгнул, пытаюсь закрепить на руках, – тщетно. «Чей дом? Чья крепость?» – подумалось мне. Слишком я увлекся укреплением забора. Нужно было заранее обмозговать, как эту прочность преодолевать. Наконец я отыскал-таки вожаемый выступ. Им оказалась трещина в щите, скрытая обивкой. Опершись правой ногой на выступ, я взобрался наверх. На противоположную сторо-

ну можно было и прыгнуть.

В домике всё для внутренних работ приготовил заранее. Надо прибить к стенам щиты и успеть сделать это до того, как исчезнет в окне свет дня. Если бы речь шла о древесноволокнистой плите, я в два счета справился бы с обшивкой. Но фанеру такой толщины даже новые гвозди пробивали весьма неохотно. Чтоб не засидеться здесь допоздна, вгонял в щит лишь три-четыре гвоздя, благодаря чему ещё оставалось в резерве время. В домике со всех сторон окружили меня щиты. Я отчётливо сознавал: при отсутствии фундамента грызун заберётся сюда в два счёта. Требуется герметизация обшивки на стыках. Достичь цели я мог единственным способом: поверх каждого щита пустить оставшийся у меня кровельный материал. Так я и сделал, попутно укрепив на стенах щиты. Гвоздь с кусочком линолеума прибывал не только материю, но и фанеру. Последние гвозди пришлось забивать в сумерках, я не успел рассмотреть, как стала выглядеть моя комнатка в девять квадратов. Последний удар молотка означал, что наконец-то у меня появился на даче уют, но я не знал ещё многих его особенностей.

Со стороны домика, несмотря на сумерки, взобраться на забор легче. Достаточно отыскать глазами короткий столбик и опереться на него ногой. Я прыгнул в траву и упал на что-то мягкое. Это что-то отскочило, но убежать не собиралось. Я разглядел перед собой рослого пса редкой породы. На шее у него болтался ошейник. Гладкие бока говори-

ли о том, что пес сыт и ухожен. Как же ты очутился тут, красавец? Может, услышал стук молотка и на этот вполне домашний звук пришел? Глаза пса слегка светились в темноте от луны, висевшей над берёзой. Он покорно и как будто растерянно стоял передо мной. Скорее всего, хозяева приехали отдохнуть на природу, потеряли. Могли и нарочно бросить. Надо съездить за границу, а его оставить не с кем. Вот он уже и бродяга, бездомник, каковых немало на Руси. Я не мог ему помочь. На даче бываю редко, поэтому оставить его тут за сторожа нельзя, да и не сторож он вовсе, а комнатный пёс. Представляю, как преданно он любил своих хозяев, как те заботились о нем. Что-то стряслось, животное оказалось наедине с жутким миром, где машины – отнюдь не самое страшное. Я достал из портфеля кружок не съеденной в обед колбасы, он деликатно взял его из руки и неторопливо съел. Хлеб понюхал, но есть не стал. Я, оставив его псу, пошел к автобусу. Тот направился за мной, помахивая хвостом; на остановке сел возле ног: голова оказалась на уровне моего бедра. Он побоялся зайти с людьми в автобус, а мне стало стыдно перед ними, как будто это я оставил в темноте большого добродушного пса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.